

Петр
СЕВЕРЦЕВ

Маленький ад **для хакера**

Хакер

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Петр Северцев Маленький ад для хакера (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972952

Маленький ад для хакера. Электорат хакера: Повести: ЭКСМО-Пресс;

Москва; 2000

ISBN 5-04-005577-3

Аннотация

Политика, бизнес, проституция тесно связаны с криминалом. Частный сыщик Валерий Мареев прекрасно понимает это и тем не менее берется охранять кандидата в депутаты – бизнесмена Ершевского. Разумеется, провокации, шантаж, похищения не заставляют себя долго ждать. Мареев не новичок в подобных передрягах, но если бы не помощь рыжей путаны Риты и верного компьютера, то вряд ли он вышел бы живым из избирательной кампании, не говоря уж о его подопечном...

Содержание

Маленький ад для хакера	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	36
Глава 3	61
Глава 4	84
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Петр Северцев

Маленький ад для хакера (сборник)

© ЗАО «Издательство «Эксмо», 2000

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Маленький ад для хакера

Пролог

Хвост не любил, когда клиенты приходят не вовремя, тем более такие, как эти.

Привыкший знать про своих нанимателей все, что было возможно, Хвост покрутился в разных местах, прежде чем впервые, хоть и примерно, издалека услышал о деле, которое ему хотели поручить. Он выудил достаточно сведений для того, чтобы посчитать клиентов сумасшедшими. Однако деньги были обещаны немалые и под четкие гарантии. Обещаным клиенткам, хоть они и были весьма необычные, Хвост предпочел поверить. Они были чертовски умны и убедительны. Так что возражений не нашлось.

Но Хвост умел держать себя в руках. И говорил с ними только о деле. А чем больше говорил, тем больше удивлялся уму этих двух жестоких стерв, молодой и пожилой, тем больше начинал их уважать.

План, который они составили, был трудным, но идеальным. И обещал принести хороший навар, то есть плата по высшему разряду для него была обеспечена.

Но тем не менее Хвосту совсем не нравилось, что клиентки именно сейчас опаздывают.

Потому что время в его деле было важнее всего – ведь на конкретных, поминутно выверенных сроках строился его ЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ...

Глава 1

Все, я больше не хочу кофе!.. Тем более что сил для плодотворной работы не осталось ни у меня, ни даже у неустанно гудящего Приятеля. Что вы хотите – два исправно выполненных дела за одну неделю, потом два месяца непрерывного написания и опробования основных и дополнительных программ и вот теперь четверо суток практически непрерывного бдения за компьютером – это, знаете ли, предел даже для моего железного организма, предел, за которым должен последовать нормальный, как минимум трехдневный отдых... и покупка новых джинсовых штанов, баксов хотя бы за четыреста пятьдесят...

Но пока я не мог отойти от своего во всех смыслах драгоценного компа: нет, я постепенно сходил с ума, наблюдая за тем, как двойной шестисотый процессор анализировал новую конфигурацию моей потрясающей машины, проверяя оба винчестера по четырнадцать гигабайт каждый, прощелкивая дисководы, мультискоростной «сидишник», выдавая результаты по совместимости акселераторов и карт, проверяя разнообразные контроллеры и, наконец, переустанавливая англоязычный «Windows-2000».

Рядом лежали два старых винта с сохраненной информацией и – страшно сказать – пять лазерных дисков с созданной по моему заказу единственной копией установоч-

ной программы для Приятеля, с помощью которой его можно было установить на любой компьютер, если у того хватало параметров.

Перед тем как поставить эксперимент, равного которому Приятель еще не знал, я предусмотрительно решил оставить копию уже работающей программы. Просто так, на всякий случай...

Было около пяти утра, спать хотелось безумно, и предрасветные мечтания совсем доконали меня, утягивая в медленный стихийный водоворот; нет, все-таки бич человечества – не СПИД и не наркотики, а четверо суток без сна! Более идиотского и невменяемого состояния невозможно себе представить.

Компьютер попиликал еще немного, пощелкал, промигал и замолчал, словно пьяница, вытянувшийся по струнке перед собравшейся тестировать его на алкоголь женой.

– Ну?! – надсадно вскричал я.

«ПЕРЕУСТАНОВКА ВСЕХ ПРОГРАММ И АВТОМАТИЧЕСКОЕ СОХРАНЕНИЕ ВСЕХ ДАННЫХ В НОВОМ РЕЖИМЕ ЗАВЕРШЕНЫ. АНАЛИЗ КОНФИГУРАЦИИ ПРОИЗВЕДЕН. ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РАВНА СТА ПРОЦЕНТАМ.

СЕЙЧАС ПОСЛЕДУЕТ ПЕРЕЗАГРУЗКА КОМПЬЮТЕРА ДЛЯ НАЧАЛА НОВОГО РЕЖИМА РАБОТЫ. НАЖМИТЕ ЛЮБУЮ КЛАВИШУ».

Я облегченно вздохнул и торжественно опустил усталую

руку на пробел.

Компьютер погас, затем через секундную паузу легко-легко вздохнул монитором и начал пробуждение из небытия в новую жизнь...

Однако это было далеко не все, что я хотел сегодня с ним сотворить; можно сказать, что главное-то как раз было впереди.

Нет, Приятель, не видать тебе отдыха в эту прекрасную звездную ночь, то есть уже утро, как не видать тебе его еще дня три: я решил окончательно тебя доконать.

И не пищи!..

Ну не нравится твоему Хакеру, как мы с тобой провели два последних, практически сдвоенных дела; а как мне может понравиться, когда работа гениального, превосходящего любой человеческий, а уж тем более мой собственный, ум, приводит к аресту совершенно невиновного человека?! При чем подозрение на него падает только из-за того, что компьютерная программа, необычайно опытная практически во всем, что касается психологии преступников, их мотивов и тому подобных вещей, просто не может понять человека, живущего и действующего НЕ ПО ПРАВИЛАМ и совершающего незапланированные поступки!..

Дело это, пользуясь тем, что настоящий преступник ослабился, мы с Приятелем все же довольно успешно раскрыли. Но, хотя и удалось убедить всех, даже самого экс-подозреваемого, в том, что его арест был лишь тактическим хо-

дом, неприятный осадок остался.

Тем более что менты, приписывая ему зверские убийства с изнасилованиями (на это указывало с два десятка прямых и косвенных улик), избили его в участке до полусмерти.

Так что я, разумеется, был недоволен промежуточными результатами этой работы и считал, что подобное повториться не должно. Приятель, по моему глубокому убеждению, был сейчас недостаточно функционален, то есть развит не во всех отношениях. Он, всевидящий прозорливец, апостол и апологет безупречной логики, Шерлок Холмс дедукции, терялся перед тем, что называлось абстракцией и метафорой. Иными словами, он не умел мыслить художественно.

Это, в общем-то, было неудивительно, так как развитие современных технологий как-то не дошло до создания мыслящих машин... и, судя по всему, не дойдет в ближайшие лет пятьсот, потому что кишка тонка, а также по кочану и по капусте, но мне-то нужно работать...

Если Приятель не умел отрешаться от своего суперлогичного взгляда на мир, мне предстояло научить его мыслить абстрактно! То есть перевести из логиков в интуитивные гении. Не зря в свое время я читал и Фрейда с его «озарением-инсайтом», и Юнга с его бессознательным, и даже Кастанеду с его Доном Хуаном – довольно быстро я понял, ЧТО ИМЕННО мне надо делать.

И вот теперь, после почти непрерывных двухмесячных разработок мы с Приятелем вступили в завершающую фазу:

по окончании четырехдневных бдений, прошедших в плотном графике компьютерного набора с написанного на бумаге и проверенного вместе с различными гениями-программистами по частям (чтобы никто не заподозрил грандиозности единого целого), в который уже раз оставшийся без женщины, но со своим компьютером, Мареев был готов включить наконец свое новосотворенное чудо, а именно – приготовился поставить на запредельно усовершенствованный компьютерную обучающую программу, содержащую в себе, во-первых, сто шестьдесят семь томов классической литературы, прозы и стихов всех времен и народов, начиная с Гомера и заканчивая Окуджавой, а во-вторых, пакет программ по преобразованию программы Приятеля, по выработке у него модели абстрактно-логического мышления.

«ПРЕДСТАВЬТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА», – завел неизменную песенку компьютер, выдавая фразу на экран.

Я быстро прошел все необходимые формальности, выбрал введение информации через магнитооптический диск и начал ввод ста шестидесяти семи томов, буквально переполненных красочными метафорами, великолепными стилистическими находками, идиомами и просто напичканных человеческими характерами, которые Приятелю предстояло проанализировать.

Загрузка с двумя шестисотыми процессорами и пятьсот двенадцатью мегами оперативки шла очень быстро. Я даже поцокал сухим от сонной усталости языком, выражая свое

полуудивленное одобрение.

Уже через несколько минут размещение всей этой информационной глыбы было завершено. Затем последовал набор репродукций картин лучших в мире абстракционистов начиная с Дали. Это заняло в несколько раз больше времени.

Но наконец-то пришло время для загрузки пакета командных программ, работа которых заставит Приятеля перейти на новый тип мышления, который, как я считал, позволит ему повысить эффективность и быстроту сыщицкой работы процентов на тридцать-сорок.

Диск зажужжал, едва слышно зашипел, развивая, судя по всему, чуть ли не сверхзвуковую скорость, и на экране появились параметры установки. Процесс преобразования Приятеля начался.

Уже через несколько минут я щелкал клавишами, определяя последовательность прохождения внутренних тестов, задавая команды на набор фраз-образов-символов, на создание словаря-генератора абстрактных выражений и на многое другое...

Наконец примерно через полчаса после последней перезагрузки все было кончено.

«ПАКЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРИНЯТ, – сообщил Приятель, – НОВЫЕ УСТАНОВКИ В СИСТЕМУ ВВЕДЕНЫ. ПРОЦЕСС ПЕРЕУСТАНОВКИ ОСНОВНЫХ ПАРАМЕТРОВ БУДЕТ НАЧАТ АВТОМАТИЧЕСКИ. ЕСЛИ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ ПРЕРВАТЬ УСТАНОВКУ,

НАЖМИТЕ CTRL-ALT-DEL».

– Фигушки, – сонно сказал я, из последних сил всматриваясь в экран.

Через десять секунд после сообщения песочные часики в мониторе сменились круглым циферблатом, на котором беззвучно тиликала секундная стрелка, и процесс пошел.

Немного понаблюдав за тем, как все это происходит, я понял, что ничего интересного здесь не увижу, и даже вспомнил, что порнографических картинок вовсе не покажут.

Потянувшись так, что хрустнули кости, я осознал, что, если сейчас же не доползу до кровати, умру или усну прямо на месте.

– Спать, спать и еще раз спать, а тебе, мой друг, заниматься работой и отвлекаться успокоительным гашением экрана в режиме трехмерного перебора! – наставительно пробормотал я; глаза мои слипались, мысли путались, и я направился прямо к успокоительно вздыхающей постельной пасти, твердо рассчитывая проспать по меньшей мере столько же, сколько бодрствовал...

...Из приятной дремоты меня вывел пронзительный, режущий уши звук.

– Ма-ать! – зарываясь головой в одеяло, я безуспешно попытался нащупать орущий благим матом будильник. – Заткнись, стерва!..

Это был не будильник. Это был мой не так давно приобретенный сотовый. Я чертыхнулся еще выразительнее.

После четырех бессонных ночей, проведенных фирменным brand-name-овским идиотом Мареевым наедине со своим pentiumом vulgaris (разумеется, абсолютно безотносительно двух блестяще проведенных дел, нынешнему безвыходному одиночеству из-за дрянного характера и да, всего остального, а просто потому, что наступила очередная компьютерная горячка и Хакеру захотелось еще сильнее заабгрэйдить своего Другана), человеку нужно поспать хоть несколько часов, а не вскакивать по первому звонку, будящему его... Ну да! В шесть утра! Через сорок минут сна!

И все же, вопреки желаниям, потакая привычному здравому смыслу, я не послал звонившего куда следовало, а потянулся к нудящему сотовому, который продолжал немелодично надрываться звонком.

– Мареев слушает, – сонно промямлил я в трубку.

– С вами будет говорить Сергей Леонидович Вересов, – по-телохранительски мрачно сообщили на том конце, затем поелозили рукой по телефону, передавая трубку боссу и создавая при этом характерные шумовые помехи.

– Вы имеете обширную практику частного детектива, – хрипловатый мужской голос, принадлежащий самому Вересову, скорее утверждал, чем спрашивал.

– Да-а... – сонно протянул я и, прикрывая трубку ладонью, зевнул, слишком медленно соображая, куда бы и в какой форме послать господина Вересова, не объясняя своего горячего желания взять отпуск, невыполнимого уже по

той причине, что успел вчера вечером получить заказ на два небольших новых дела и даже первую раскладку своего компьютера по ним и что работы у меня неупрощаются... вежливость, однако, автоматизировала мое сонное сознание, и я в меру услужливо спросил: – Чем могу быть вам полезен?

– Я должен встретиться с вами лично, чтобы обсудить это дело. Ваш адрес мне известен, я буду через час.

И все.

Он отключился. Слушая короткие гудки, я несколько секунд приходил в себя.

Какого хрена! Этот Сергей Леонидович будит меня в шесть утра за тем, чтобы сообщить, что нагрянет ко мне безо всякого предупреждения и договора, ровно в семь...

– Ч-черт! – взвыл я, сообразив, что отказываться от поспешно навязываемого мне расследования придется у себя на дому, а времени на то, чтобы привести отекающую физиологию в состояние, не наводящее на мысли о тяжелой алкогольной зависимости, у меня в обрез.

Соскочив с кровати, я попытался найти правый тапок, который, как всегда в таких ситуациях, исчез бесследно.

«Хорош сыщик! – злорадно подумал я о себе. – Скоро собственные штаны будешь искать при помощи пограничной собаки! Или скорее при помощи Приятеля! А эта консервная банка среднего рода насмешливо сообщит: ВЕРОЯТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ШАНТАЖА – ОДИН ПРОЦЕНТ, издевательски подмигивая лампочкой...»

К счастью, ни собака, ни программа-сыщик последнего поколения не понадобились. Обнаружив одежду, аккуратной дорожкой тянущуюся в мой рабочий кабинет, где тихо и довольно гудел не нуждающийся в отдыхе Приятель, я остервенело чертыхнулся на идиота Мареева-вчерашнего, аккуратно задвинул за собой шкаф на место, с более спокойной совестью отправился в ванную и залез под холодный душ, надеясь, что это вернет мне способность логически мыслить.

И только в душе я окончательно проснулся и вспомнил, что дел-то никаких у меня уже нет, так как два месяца назад я их уже выполнил, и что Приятель мой сейчас занят, он работает над формированием нового имиджа, причем с истинно школьным прилежанием... Интересно, если я возьмусь за работу, как же мне придется раскрывать дело этого Вересова, если Приятель будет все еще работать над новым пакетом программ?

Ладно, об этом подумаем в свой черед. Я наскоро вытерся, чувствуя, как гудит голова, и вышел из ванной.

Затем, приглаживая на ходу мокрые волосы, отправился на кухню варить себе крепчайший и отныне всей душой и телом ненавидимый кофе.

Мне удалось спокойно выпить его и даже убрать со стола гору грязной посуды и выкинуть в ведро несколько начавших покрываться пушком плесени консервных банок.

Клиент не появлялся.

Я уже начал с надеждой думать о том, что он передумал

мчаться ко мне сломя голову в такой неурочный час, но надежды мои были разбиты самым грубым образом.

Яростный трезвон пронзил тишину квартиры. Я тихо выругался. Честно говоря, все же по-детски надеялся на лень посетителя, ожидая, что он не приедет в такую рань.

– Иду! – гаркнул я в полутьму коридора и действительно пошел открывать.

– Кто там? – спросил совершенно автоматически, еще додевая штаны.

– Сергей Леонидович Вересов, – ответили из-за двери, и в голосе слышалось явное нетерпение.

Голос, кстати, не принадлежал ни самому Вересову, который говорил со мной по телефону, ни его предполагаемому телохранителю, а был несколько выше и истеричнее, хотя, кажется, последняя черта была следствием крайней торопливости.

Это было весьма странно. И тон у стоящего за дверью тоже был наводящий на определенные подозрения.

Я по привычке встрепенулся, чувствуя поступающий в кровь адреналин, и подумал, что хорошо бы вооружиться. Как говорится, кто вооружен, тот самый умный.

– Сейчас, сейчас, открываю, – любезно ответил я и прямо-таки бросился из коридора в зал, отыскал свой «макаров» и, вернувшись ко входу-выходу моей квартиры, просто взял и открыл дверь. Разумеется, уставив в грудь пришедшему пистолет. Разумеется, сняв его с предохранителя. И уж

конечно, готовый в любой момент стрелять.

Стоящий за порогом полный, одутловатый мужчина дернулся, как от удара, глаза его расширились пропорционально сузившимся кулакам, весьма, кстати, массивным. За спиной звонившего в мою дверь возвышался его спутник, который не просто дернулся, а даже отшатнулся.

– Это!.. – содержательно сказал старший, с расширенными глазами рассматривая дуло моего «макарова» и как-то испуганно дергая плечом в мою сторону.

– Оружие бросьте, – ласково попросил я, кивая на прилепившийся к его рукам пистолет, – не к фотомодели в гости пришли!

Молодой бритоголовый человек, стоящий сзади, попытался вскинуть оружие и выстрелить в упор, но я рассчитывал и на это, а потому захлопнул дверь перед незваными гостями и шагнул назад, одновременно отшатываясь влево, – помнится, был учен ранее, когда парочка наемных убийц стреляла через дверь.

На этот раз выстрел также последовал, просто по инерции; я окончательно убедился, что торопившиеся напарники приехали сюда именно за моим телом и что спешили они по понятным причинам – желали успеть до приезда позвонившего Вересова.

С лестницы донесся удаляющийся топот. Неудачливые непрофессиональные рецидивисты поспешно драпали.

Покачав головой, я вышел из-за укрытия и осмотрел ме-

сто происшествия. Дверь прямо посередине была пробита выстрелом, пробита аккуратно, как бывает при прямом попадании. Пуля засела в стене, слегка подпортив краску и прячущуюся под ней штукатурку.

Наверняка шум слышали соседи, но ничего особенного он мог и не означать: ну, грохнуло что-то – так, может, это Гошка и его друзья хлопушками балуются? Или у соседа-сыщика ведро в ванной упало. О том, что ТАК звучать могут лишь выстрелы из пистолета немалого калибра, знали в нашем доме лишь папа того самого Гошки, экс-рекетир Колян да Аслан Макаров, который к таким вещам привычен понятно почему.

В надежде на то, что никто не придал шуму значения, я уселся на стул и замер в раздумье.

Мне оставалось только ждать приезда Вересова, который желал, похоже, стать моим клиентом и заставить меня повторить недавний подвиг с расследованием дела в экстремально короткие сроки, иначе зачем такая торопливость?..

Ждал я недолго: во дворе громко затормозила машина, судя по тональности и резкости звука – крутая.

Затем за дверью жалобно скрипнули доски, прогибаясь под ногами внушительных размеров человека. Тяжелые шаги замерли прямо перед моей дверью.

– Дзы-ы-ынь! – заголосил дверной звонок, принимая на себя роль Судной Трубы.

Я пожал плечами и открыл дверь.

На пороге стоял высокий, коренастый человек с тяжелой челюстью и глубоко посаженными серыми глазами. За спиной его маячила колоритная фигура под два метра, чьи бицепсы (не чета моим!) и удобный костюм, который в случае чего абсолютно не стеснял бы движений, говорили сами за себя. В левой руке он держал дорогой «дипломат» германского производства, я не так давно видел такие в посольстве.

– Мареев Валерий Борисович? – осведомился возможный клиент.

– Он самый. Проходите.

Я провел гостей в свой «кухонный кабинет». Клиент расположился в кресле, охранник предпочел табурет. Мне остался диван, откуда я почти не видел лица охранника, зато он мог наблюдать за любым моим движением.

Что же! На сей раз, похоже, я имею дело с профессионалом.

– У меня украли дочь, – без обиняков начал Вересов. И замолчал, внимательно меня разглядывая. Очевидно, он считал, что сказал самое главное и теперь слово за мной. Иногда я старательно ругаю того, кто придумал жалость и некоторые другие человеческие чувства, так мешающие в работе нормального частного детектива! Ну кто его потянул за язык – я ведь уже было собрался объяснить, насколько занят... конечно, не объясняя, что заниматься собираюсь отдыхом и наблюдением за работой переходящего на новые рельсы Приятеля.

– Надо же, – несколько растерянно сказал я, пытаюсь придумать, как начать свой вежливый, но твердый отказ. – А у моего нынешнего клиента пропал сын. Они случайно не в одной школе учились?

– Если вы имеете в виду Тарасовский физико-математический колледж и восьмой «а» класс, то да, – невозмутимо ответил Сергей Леонидович Вересов, вызывая у меня отрезвляющую дрожь и бледность. – Более того, я думаю, что в течение следующих дней к вам нагрянут еще несколько мам и пап, дети которых учились в этом классе и в один и тот же день пропали. Бесследно.

– Милиция? – выдохнул я, подаваясь вперед, – ФСК?!

– К черту органы! – немедленно отозвался Вересов, – пусть ищут; найдут – спасибо, так ведь не найдут же! – Он вытер платком мгновенно вспотевший лоб и более спокойно спросил: – Вы просто скажите: будете искать мою дочь?

«Искать детей оптом? Что может быть милее?» – мрачно подумал я.

А вслух сказал:

– Вы знаете... – начал я, мысленно выстраивая свою отказную речь, – я сейчас очень и очень занят... – Он посмотрел на меня так, как смотрит волк на охотника, нажимающего курок. Я вздрогнул, ощутив внезапно, что в квартире у меня почему-то холодно, и, скривившись, продолжил: – Короче, давайте перейдем к подробностям вашего дела, – вот так любезно великий дипломат Мареев дал новому клиенту

понять, что ждет конкретных разъяснений по поводу этого странного киднепинга.

– Я слышал о вас, Валерий Борисович, как о весьма компетентном в подобных делах человеке, как о человеке, который... – совершенно не по делу начал отец, видно, совсем повредившись в уме после потери дочери, раз уж принялся источать никому не нужные комплименты.

В общем-то, эту часть беседы, как и все ей подобные, можно смело пропускать мимо ушей. Возможно, клиент просто проверяет мои реакции. Периодически попадаютс неувверенные в моей чистоплотности, и лучший способ заработать их доверие – молча подождать минуты три, выставляя себя на обозрение. Эти три минуты я решил посвятить изучению внешних данных клиента.

Более всего для описания его внешности подошло бы сравнение с гномом, если, конечно, у вас достаточно богатая фантазия, чтобы представить чисто выбритого гнома ростом около ста восьмидесяти. У клиента, представившегося в телефонном разговоре как Вересов (фамилия эта мне ничего не говорила и, вполне возможно, даже была ложной), было выразительное лицо сильного человека, который ни перед чем не остановится на пути к достижению своей цели. Дорогой строгий костюм, пейджер на поясе, сотовый телефон. Галстук выше всех похвал, просто замечательный, хотя я в этом практически не разбираюсь.

Я отметил, что на его пальце нет кольца. Стало быть, кли-

ент не женат. Как же тогда дочь?..

Еще раз прокрутив в памяти наш недавно начатый разговор, я счел, что уже вполне сносно знаком со своим заказчиком, а посему пора от пустых словес переходить непосредственно к делу.

– Сергей Леонидович, – я прервал его речь железным тоном крайне занятого, а сейчас еще и слегка удивленного человека. – Хотелось бы услышать, с чего вы так рассыпаетесь в любезностях?

Он помолчал, задумчиво на меня глядя. И, пожав плечами, ответил:

– Мне не хватает простой конфиденциальности, которую вы обычно соблюдаете. Мне необходимо, чтобы ни слова обо мне и о том, что я вас нанял, не просочилось во внешние круги. Никто не должен об этом знать, чем бы ни закончилось наше сотрудничество. Понятно?

– Хм, понятно, – ответил я, глядя ему прямо в глаза.

– Тогда я, пожалуй, начну.

Я кивнул.

– Моя дочь... – он помедлил, – весьма странная девочка. К слову, будет хорошо, если об этой странности не будет известно никому, кроме вас.

– Независимо от того, возьмусь ли я за ваше дело, обещаю, – ответил я, ожидая начала рассказа про какую-нибудь затаянную болезнь или ненормальную психику девчушки. – В чем странность?

– Она практически все время что-то придумывает, – пожал широкими плечами, ответил он. – Откровенно говоря, врет. Всем подряд, кроме меня. Это психическое нарушение. Ее психотерапевт считает, что сказывается ранняя потеря матери.

Ага, вот оно, отсутствие кольца...

– Что с матерью?

– Умерла.

– Хм.

– Мне продолжать? – Он не казался особенно расстроенным или подавленным давним горем.

– Продолжайте.

– Что конкретно вам интересно в связи с нашим делом? – последние слова он слегка выделил.

– Ваше мнение: имеет ли потеря матери прямое отношение к исчезновению вашей дочери? – спросил я и тут же объяснил: – Я имею в виду, нет ли у вас врагов, которые когда-то?..

– Не думаю, – немного раздраженно ответил он, поморщившись. – Вы лучше вообще не вспоминайте про мать. Она здесь ни при чем.

– Хорошо, – пожал плечами я, собираясь произнести свои, в общем-то, давно отрепетированные и привычные слова. – Как скажете. Тогда давайте договоримся: я спрашиваю, вы отвечаете. Без колебаний и не скрывая ничего, что имеет даже малейшее отношение к делу. Потому что, если я берусь

за чье-то дело, должен быть уверен, что знаю всю подноготную. Ничего неприличного для меня нет, и сообщать надо со всеми подробностями.

Он смотрел на меня как-то странно, определить, о чем он думал, по его лицу не представлялось возможным, поэтому я добавил:

– Просто иногда получается так, что не вполне правдивые слова клиента или его недосказанности наводят меня на ложные линии, и мы оба теряем кучу времени...

Вересов внезапно улыбнулся.

– Это следует понимать как согласие? – спросил он, глянул на меня и усмехнулся.

– Возможно, – ответил я, пожимая плечами, вежливо и спокойно, подстраиваясь под его манеру вести разговор. Хотя внутренне я уже согласился после его слов о том, что пропало сразу несколько детей.

– Спрашивайте дальше, – разрешил он.

Я кивнул, вынимая из кармана наполовину заполненный блокнотик, чтобы начать делать там пометки по ходу дела, поразмыслил несколько секунд и начал свой обычный допрос:

– Во-первых, хотелось бы узнать обстоятельства ее исчезновения, а также ваш взгляд на эти события. – Я поудобнее устроился на диване и впился взглядом в это непроницаемое лицо, стараясь уловить его тщательно контролируемые эмоции.

– Она исчезла позавчера, никого не предупредив, где-то между восьмью и девятью часами вечера. Практически все личные вещи на месте. Ни у подруг, ни в школе ее не было. Ночевать она также не пришла, чего прежде никогда за ней не водилось. Вместе с ней пропали еще несколько человек из ее класса: еще одна девочка и двое парней. Я не думаю, что это похищение. Очень не похоже.

– Что же вы думаете?

Он слегка скривился, не глядя на меня, лицо у него на мгновение стало каменным.

– Я думаю, – ответил он, – что кто-то их собрал и куда-то увез по их собственной воле. Сманил.

– Вы имеете в виду секту?

– Откуда я знаю?.. Я просто говорил с остальными родителями. Все пропавшие вели себя как обычно. И действовали как обычно. Собрали самые необходимые вещи, очень немного. Сделали все дневные дела. И на ночь глядя пропали. Как будто планировали.

– Интересно, – сказал я, записывая в блокнотике первую гипотезу. – А вы не находили в последнее время в Галиных вещах того, что раньше у нее не замечали? Какие-нибудь книги, например?

Он исподлобья посмотрел на меня – внимательно и слегка настороженно:

– Вчера обыскал ее комнату, вот что нашел, – телохранитель по знаку Вересова вынул из посольского «дипломата»

несколько книг разной толщины и оформления.

Я посмотрел.

– Та-ак, – потер подбородок и сделал пометки в блокноте. – Вы уверены, что ваша дочь не могла просто э-э... Отправиться искать приключений?

Вересов бросил взгляд на лежащие передо мной книги о сексе, психических сексуальных расстройствах, извращениях разных происхождений и форм, с описанием средневекового и современного садомазохизма и так далее и тому подобное и очень недовольно ответил:

– Галя тихая, домашняя девочка. За ней выкрутасов не водится... Кроме придумываний.

– Она красивая девушка?

– На мой взгляд – не очень, – не задумываясь, ответил он. – Она очень обаятельная, симпатичная. По стандартам хороша. Смотрите сами, – он вынул и протянул мне несколько фотографий разного формата, где Галя Вересова фигурировала в разных видах: спортивная, с теннисной ракеткой в руках, на лошади в строгом костюмчике, в купальнике на пляже, мокрая, выходящая из воды и уютно сидящая на своей кровати с огромным плюшевым медведем.

Я внимательно посмотрел и, немного удивленно пожав плечами, сказал:

– Зря вы. Очень красивая девочка.

Он тяжеловато молчал.

– Есть ли у нее парень? – продолжил я.

– Такого, чтобы раз – и точка, нет. А так, есть двое. Один лет четырнадцати, они вместе занимаются теннисом, кажется, Андрей Куликов, он как раз из класса, тот, который пропал. Второй тоже из класса, сын банкира. Парень неплохой, соображает, будет учиться на юриста. Оба умные, с хорошими данными, воспитанные. В общем, нормальные ребята. Мы с родителями, конечно, знакомы.

– Эти ребята не могли «помочь» исчезнуть вашей дочери? – скорее для того, чтобы увидеть его лицо, невозмутимо спросил я.

– Галя ДОМАШНЯЯ девочка, – пристально глядя на меня, ответил Вересов. – Не смотрите на эти книги. Ее интерес к таким вещам вполне понятен, как понятно и то, почему она их от меня прятала. Ей четырнадцать лет. Если бы у нее завязались серьезные отношения с кем-то из этих ребят, я знал бы об этом. Если бы она поехала к Андрею на дачу, то предупредила бы меня. Если бы...

– Успокойтесь, Сергей Леонидович, – тихо попросил я, отметив про себя, что своего добился: клиент сбросил маску беспристрастности. – Галине ведь четырнадцать лет? В этом возрасте подростки обычно не горят желанием докладывать родителям о своих романах, а побег с «любимым» воспринимают как нечто романтическое и таинственное, поэтому я не стал бы полностью исключать этот вариант.

Кроме того, то, что ребята пропали группой, о многом говорит. Хотя, – я пожал плечами, – сейчас делать выводы ра-

но. У меня слишком мало данных.

– Вы спрашивайте, – вздохнул он.

– У меня, в принципе, еще три основных вопроса: во-первых, когда и отчего умерла Галина мать?

Лицо его на мгновение исказилось, но клиент справился с этим, отведя от меня глаза.

– Это имеет отношение к делу? – спросил он, глядя в окно.

– Если бы не имело, я не стал бы спрашивать.

Он помолчал и внезапно ответил:

– Она была серьезно больна. Умерла, когда Гале исполнилось пять лет. Это, конечно, отразилось на Гале, но мы с ней смогли восстановить семью, создать ее заново. И у нас все было хорошо.

– Во-вторых, – продолжил я, удовлетворенно кивнув, – кто вы такой и чем занимаетесь, – тут я счел нужным добавить: – Странно, что я о вас ничего не слышал. Я вообще-то знаю всех людей в Тарасове, занимающихся более-менее серьезным бизнесом.

– И не должны были в принципе, – он помолчал, решаясь. – Потому что моя деятельность и работа моих людей обычно приписывается другим. Мы работаем на рынке мебели. Но не продаем и не производим, а помогаем серьезным людям заключать между собой значительные контракты.

Я возглавляю крупную компанию, сотрудничающую с нашими крупными торговыми предприятиями. Мы помогаем им начать серьезные отношения с наиболее надежными фир-

мами-производителями за рубежом, чтобы они могли здесь представлять их продукцию как дилеры. Мы специалисты по завязыванию контактов и созданию крепких, дружеских, сотруднических связей. Организуем встречи руководителей компаний, обеспечиваем правовую поддержку фирм, прорабатываем крупные модели и мелкие детали соглашений между ними и нашими клиентами, создаем блоки рекламных кампаний и так далее... – Он помолчал, потом глянул на меня, деловито и спокойно: – В общем-то, все... К слову, нашими клиентами являются корпорация «Итальянский дом», всероссийская сеть салонов красоты «Элита», фирма «Индгрэд», «Астрон: встроенная мебель в вашем доме», акционерное общество «Росстандарт»... Это из крупных.

– Хорошо. В-третьих, почему вы не хотите, чтобы о вашем ко мне визите кто-либо узнал?

– Это не мое желание. Это желание остальных родителей. Так решило большинство из нас.

Видя мое непонимание, он сменил позу и кратко объяснил происходящее:

– Вчера в обед мы собрались все вместе, уже переговорив с милицией и дав показания. Проблема в том, что в достижение ментами результатов в короткие сроки никто из нас, родителей, не верит... Хотя на уши поставлены многие, очень многие. Все пропавшие – дети весьма непростых людей, – когда он говорил это, лицо у него было не очень доброе. Я мысленно вздохнул и продолжил слушать.

– Понятно, что раз к делу подключились высокие чины, они совсем не будут рады, если узнают, что мы решили еще и частного нанять. Это только осложнит наши отношения, да и вам будет мешать. Поэтому мы решили просить вас не разглашать, что вы работаете над этим делом.

– Понятно, – кивнул я. – Понятно и разумно. Я, конечно, учту... – Помолчал, глянул на него и добавил: – Я возьмусь за это дело... Давайте поговорим об оплате.

– Давайте, – кивнул он, явно удовлетворенный. – Если найдете следы детей, какую-то важную информацию, которая поможет милиции их найти, – десять тысяч долларов. Если найдете их сами, живыми – тогда по десять тысяч за каждого, – он неожиданно замолчал, явно обдумывая что-то важное. Наконец додумал про себя, самому себе кивнул и добавил: – Если что-то сверхординарное и будет возможность спасти только одного... помните, что я ваш основной наниматель. Премию при подобных обстоятельствах гарантирую.

Я промолчал.

– Если не найдете ничего существенного, – продолжил он как ни в чем не бывало, – оплата будет только пятьдесят долларов за день, да и то – не больше недели. Но прошу вас учесть – только без обид, – наставительно произнес он, – я и остальные родители смогут наказать человека, который собирается заработать на чужом горе. Пожалуйста, будьте внимательны к этому случаю. Это ведь сейчас нам с вами мо-

жет казаться, что собрались четверо ребят и убежали искать приключения. Не исключено, что все очень плохо.

Я промолчал, пропуская последнюю реплику мимо ушей. Не так уж редко приходится слышать подобное от клиентов.

– Назовите сумму аванса, на расходы, – подсказал Вересов, уловив мое отношение к его предупреждению.

– Не надо, – ответил я, быть может, слишком независимо. – Я сам человек небедный. Если что-то понадобится дополнительно – позвоню. Вы лучше сообщите мне имена, фамилии, адреса и другие данные пропавших ребят из ее класса. Может, появятся еще вопросы...

– Вот копия материалов следствия, – он протянул мне тонкую пластиковую папку-скоросшиватель. – Здесь все, что вам может понадобиться, вплоть до школьного расписания класса и адреса классной руководительницы, а также рассказы тех, кто последними встречался с ними, перед тем как они пропали... – увидев выражение моего лица, он добавил: – Я взял, сославшись на справедливый интерес родителей к этому делу. Понимаете, что папка не должна попасть на глаза работникам органов.

Я не стал скрывать уважения и, не стесняясь, покачал головой: человек, для которого следователь или его начальство нарушают сразу десяток законов и инструкций, а также местных нормативных актов, предоставляя по его просьбе материалы следствия для родителей, – это человек явно influential и необычный.

«В конце концов, — подумал я, — не такое уж и простое дело, кажется. Хотя гораздо легче искать детей оптом, получая вознаграждение и помощь в расследовании ото всех родителей сразу же, чем за неделю раскрывать дело о махинациях с водкой и о маньяке, сующем убитых в рефрижераторы мясных городских магазинов...»

— Хорошо, мне кажется, все ясно, и с этим уже можно работать, — сказал я. — Как мне связаться с вами, если будут результаты или понадобится дополнительная информация?

Он подал мне визитку, на которой ничего, кроме телефона и именных данных, не было.

— Меня сразу же попросят, если вы не забудете представиться, — добавил он, вставая.

Я проводил их до двери и, пожав обоим руки, вежливо попрощался.

— До свидания.

— До свидания, — телохранитель Вересова открыл дверь и вышел первым.

И лишь когда стих шум удаляющейся машины, я вспомнил, что так и не рассказал про неудавшееся непрофессиональное покушение двоих мужчин, планировавших мое убийство и наверняка имеющих отношение к данному делу о пропавших детях! Людях, скорее всего, прослушавших наш с Вересовым разговор по сотовому телефону...

Черт возьми... Но делать нечего — пора приниматься за работу. А о неудавшемся покушении скажу позже, когда

придет пора делать первый доклад клиенту.

Допив горький перекипяченный кофе, я отправился решать вопросы по делу Сергея Леонидовича.

То, что он не стал скрывать информацию, меня порадовало. Будет с чем идти к Приятелю. Терпеть не могу, когда клиент осложняет дело недомолвками и враньем, а мне приходится тратить время и силы на разбор выстроенных им баррикад.

Однако что же мне делать с моим перерабатывающим самого себя компьютером?..

Рабочий кабинет встретил меня привычным тихим гудением вентилятора. Я сел в кресло и включил монитор.

Перекачивание и обработка данных продолжались. И должны были, по моим расчетам, продолжаться еще дня полтора-два. Так что никакой помощи от Приятеля в этот промежуток времени даже и не предвиделось.

А дело нужно было начинать сегодня же. Без малейшего промедления.

Не стоит думать, что без своей машины я совсем беспомощен. Когда надо, я умею крутиться сам, за несколько лет непрерывной практики очень даже научился.

Но если у бухгалтера есть хороший калькулятор, он никогда не станет пользоваться старыми счетами. Даже из гордости, потому что от этого зависит качество и быстрота его работы. Так и я со своим железно-электронным другом: давным-давно смирился с тем, что он отображает на порядок

качественнее и быстрее, чем я сам, перестал пытаться соперничать с ним и искать самооправдания.

Так что, Хакер, давай думай, где и как ты будешь общаться со своим Приятелем, потому что два винта со всей информацией и пять дисков для загрузки и установки программы лежат рядом и вполне могут быть установлены на какой-нибудь хороший компьютер. Нужно только его найти.

Глава 2

«КОНФИГУРАЦИЯ СИСТЕМЫ УСТАНОВЛЕНА. СЕЙЧАС ПРОИЗОЙДЕТ АВТОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА КОМПЬЮТЕРА В НОВОМ РЕЖИМЕ. НАЖМИТЕ ЛЮБУЮ КЛАВИШУ».

Я, разумеется, нажал, и пока трехсотый пент прокручивал свои шестьдесят четыре мега (крутая, в общем-то, конфигурация, но абсолютно не сравнимая с моей домашней), я еще раз осмотрелся.

Интерьер новенького компьютерного игрового салона выглядел неплохо. Всякие там плакаты с рекламами игр и яркие картины – из «Quake-a», «Diablo» и «Unreal». В общем-то, очень даже неплохо смотрятся.

Меня просительным звонком пригласили сюда еще позавчера – за нищенскую плату умоляли срочно, к послезавтрашнему утру наладить сеть из двадцати четырех машин с сервером во главе. После разговора с Вересовым я позвонил и дал согласие: решил остаться на ночь якобы для работы, а на самом деле, чтобы загрузить программу Приятеля в здешний сервер и задать ему СВОЮ работу.

Я думал, что мой гений справится с делом пропавших детей быстро и без проблем, а мне останется лишь пожинать плоды его безупречного мышления...

...Пятый диск в последний раз прожужжал, раскручива-

ясь с хорошей скоростью внутри «подставки для кофе», и на зеленовато-спокойной глади монитора наконец-то возникли великие слова:

– ПРЕДСТАВЬТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Ну надо же! Сладкая музыка, бальзам на душу...

– ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПРИЯТЕЛЬ! – отщелкал я на клавиатуре.

– ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОПОЗНАН. ПРИВЕТ, ХАКЕР! – сказала моя программа.

– ХОЧУ ПОДБРОСИТЬ ТЕБЕ ИНФОРМАЦИЮ, – набрал я.

– ИНФОРМАЦИЯ. СПОСОБ ПОДАЧИ: РЕЧЬ, СКАНЕР, ВИДЕО, ДИСК?

Хотел сказать привычное «речь», но вовремя вспомнил, что в этой конфигурации звуковой анализатор отсутствует.

«ТЕТЯ КЛАВА», – отщелкал я.

– ПРОГРАММА – АНАЛИЗАТОР ТЕКСТА ПОДКЛЮЧЕНА, – я щелкнул клавишей Enter. И начал набирать черные знаки на светлом поле «Word-a».

Кратко обрисовав ситуацию по заложенному программному стандарту, упомянув в строке, обрисовывающей клиента, все названные им фирмы, я вопрошал в конце четвертого, последнего в описании дела, абзаца:

– Где искомые дети?

Несмотря на неправильно поставленный вопрос, Приятель понял, что имелось в виду, усиленно загудел, защел-

кал, обрабатывая предоставленную информацию. Я откинулся в кресле, ожидая результата. Как следует обмозговав дело, pentium vulgaris выдал дословно следующее:

«А ТЫ УВЕРЕН, ПАПАША, ЧТО ЭТО СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО?»

– Да! – раздраженно буркнул я, подтверждая свое мнение кликом мыши. – Не тяни резину, Железка!

Несмотря на то что информации было в обрез, опыт подсказывал мне, что дело тут не совсем чисто и что поиск Гали – не пустяковая трата времени, вроде слежки за загулявшим мужем.

Приятель подумал и глубокомысленно со мной согласился. Мигнув, он ответил:

«УКАЗАННЫЕ ФИРМЫ ЗАНИМАЮТСЯ ИМПОРТОМ МЕБЕЛИ. ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ КЛИЕНТОМ ФИРМЫ ВОЗМОЖНЫ ТРИ ВАРИАНТА: «ТАРАСОВМЕБЕЛЬ», ДИРЕКТОР СТАВРОНСКИЙ В. П. (1) МЕБЕЛЬНЫЙ САЛОН «ЭСТЭЛЬ», ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР КОРЯКОВ М. А. (2) ФИРМА «ЕВРОМЕБЕЛЬ», ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ВЕРЕСОВ С. Л. (3). ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО КЛИЕНТ ПРЕДСТАВИЛСЯ, ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ ИМЕНЕМ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА, – 0,005 %. ПРОИЗВЕСТИ ПОИСК ЛИЧНЫХ ДЕЛ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ КЛИЕНТОВ?»

– Чем ты занимаешься?! – в сердцах рявкнул я. – Детей надо искать, а не клиента, какое мне дело?.. – Но тут же я

свое мнение изменил. Почему бы не получить немного информации о господине Вересове?..

– Ладно, – пожал плечами, указывая стрелочкой мышки в строку выбора. – Если считаешь, что это МОЖЕТ БЫТЬ не Вересов С. Л., проверяй теперь их всех!

Покорно согласившись, видимо, с последней предназначенной ему фразой, Приятель снова загудел, я еще раз выругался, соображая, сколько же придется его ждать, и прикидывая, не сварить ли пока кофе: предстояла еще одна бессонная ночь, но тут мой верный комп мигнул и вывел на экран:

«ПРОВЕРКА ПРЕРВАНА. КЛИЕНТ ОПОЗНАН. ПРОДОЛЖАТЬ ПРОВЕРКУ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ КОМПАНИЙ (1). ВЫВЕСТИ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ОПОЗНАННОМ (2)».

Ниже горела следующая пометка:

«ВЕРОЯТНОСТЬ ОШИБКИ В ОПОЗНАНИИ 0,000 %».

– Умница ты мой! – я щелкнул мышкой во второй пункт. Приятель скрипнул винтами, загружая информацию, и предоставил мне следующие данные:

«ВЕРЕСОВ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ. 1953 ГОДА РОЖДЕНИЯ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ФИРМЫ «ЕВРОМЕБЕЛЬ», ОФИЦИАЛЬНОГО ДИСТРИБЬЮТЕРА ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМПАНИИ «NOSTALGY». ЖЕНА – КАЗАКОВА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА. РАЗВЕДЕН. ИМЕЕТ ДОЧЬ ВЕРЕСОВУ ГАЛИНУ СЕРГЕЕВНУ 1985 ГОДА РОЖДЕНИЯ. ДОМАШНИЙ АДРЕС: УЛ. ЛЕРМОНТОВА,

Д. 5, кв. 12. ДОМАШНИЙ ТЕЛЕФОН 25-43-58. ВЗЛОМАТЬ РАБОЧИЕ ФАЙЛЫ (1). ПОИСК ИНФОРМАЦИИ О КАЗАКОВОЙ Л.Б. (2) ПРОВЕРКА КОНКУРЕНТОВ (3)».

– Ого, – сказал я. – Значит, разведен. Понятно, почему не носит кольца. Но почему не упомянул?... Ладно, Приятель, начнем с семейной обстановки, – решил я. – И дай мне вероятность похищения и прочих причин исчезновения Гали, – набрал команды в командной строке и принялся ждать.

Подумав всего с десятков секунд, Приятель еще несколько раз скрипнул и высветил следующее:

«АНАЛИЗ ПРИЧИН ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЗАВЕРШЕН. ПРОСМОТР?»

Я, разумеется, ткнул в «просмотр».

Приятель развернул передо мной небольшой список предполагаемых гипотез с процентной вероятностью каждой из них:

- «– УБИЙСТВО С СОКРЫТИЕМ ТРУПА 0,2 %;
- ПОБЕГ К МАТЕРИ 15,5 %;
- ПОБЕГ С УХАЖЕРОМ 17,5 %;
- ПОХИЩЕНИЕ КОНКУРЕНТАМИ (МАФИЯ/РЭКЕТ) С ЦЕЛЬЮ ШАНТАЖА 12 %;
- ЗАВИСИМОСТЬ ОТ РЕЛИГИОЗНОЙ/ДУХОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ – 43 %;
- НЕУЧТЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА 11,8 %».

Ну надо же! Пока что Приятель считал наиболее вероятной версию самого Вересова, впрочем, шанс найти Га-

лю в объятиях Андрея или таинственного Саши-Гриши, а также пополнение предлагаемого списка тоже был велик. Да и одиннадцать с лишним процентов неучтенных обстоятельств меня совсем не радовали. Особенно после недавней ошибки с лжеманьяком...

Но больше всего меня поразили слова о «побеге к матери». В первые несколько секунд до меня не доходило, что именно имел в виду Приятель, и я думал, что девочка могла убежать на материнскую могилку, но потом я чертыхнулся и ткнул в услужливо мигающую нераскрытую папку «КАЗАКОВА Л. Б. (МАТЬ ПРОПАВШЕЙ)».

«ДАННЫЕ ЛИЧНОГО КОМПЬЮТЕРНОГО ДНЕВНИКА СЕРГЕЯ ЛЕОНИДОВИЧА ВЕРЕСОВА: ТЕКСТ, ВЫВОДЫ».

Считая неприличным лазить по записям клиента самому, я выбрал пункт «выводы», в котором излагал свое мнение уже пролиставший их Приятель.

«У МАТЕРИ ПРОПАВШЕЙ БЫЛИ ПРОБЛЕМЫ С АЛКОГОЛЕМ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ. НЕСКОЛЬКО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ КУРСОВ ЛЕЧЕНИЯ НЕ БЫЛИ ЭФФЕКТИВНЫ. ВЕРЕСОВ ОТКАЗАЛСЯ ОТ НЕЕ, ПО ЕГО НАСТОЯНИЮ ОНА УЕХАЛА В УЛЬЯНОВСК, В СВОЮ СТАРУЮ КВАРТИРУ (УЛ. ЖУКОВА, 46, ТЕЛ. 12-24-05), ПОЛУЧАЕТ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПОСОБИЕ, ПО ДОГОВОРУ В ТАРАСОВЕ НЕ ПОКАЗЫВАЕТСЯ. В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЗАВИСИМОСТЬ ОСЛАБЛА, НО

ОСТАЛАСЬ.

ВЕРЕСОВ НЕ ЛЮБИТ БЫВШУЮ ЖЕНУ, У НЕГО С НЕЙ СВЯЗАНЫ ОЧЕНЬ НЕПРИЯТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. ОНА НЕСКОЛЬКО РАЗ ПЫТАЛАСЬ ПРИЕХАТЬ СЮДА, ЧТОБЫ УВИДЕТЬСЯ С ДОЧЕРЬЮ, НО РАБОТНИКИ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ФИРМЫ ВЕРЕСОВА ЕЕ НЕ ПУСКАЛИ ДАЛЬШЕ ВОКЗАЛА. ОНА ЕГО ОЧЕНЬ БОИТСЯ».

Удивленно покачав головой, я надолго задумался. В принципе, договорившись о работе сегодня ночью, я со спокойной совестью проспал полдня, но потом сделал полную уборку квартиры, которая меня абсолютно истощила, и сейчас снова невероятно хотелось спать.

Однако открывающиеся по этому делу факты меня совсем не радовали. Клиент оказался менее правдив, чем я думал, а это всегда неприятно. Возможно, стоит показать ему, что до жены я уже докопался... Но это потом. Сейчас следует хорошенько подумать, что и как делать завтра утром.

Я отдал своему верному pentium'у приказ «пошупать» конкурентов «Евромебели», взломать рабочие файлы этого предприятия, а сам, пока он сосретоточенно щелкал и гудел, прикинул примерный план действий.

Перво-наперво нужно побывать в колледже, поговорить с классной руководительницей. Она видела троих из четверых пропавших последней, да и вполне могла заметить что-либо необычное из происходящего с ее молодыми подопечными

в последнее время.

На втором месте у нас звонок в Ульяновск (сейчас он не имеет смысла: если Галя отправилась туда автостопом, раньше чем завтра утром ее на месте не будет, а достать билет на поезд или самолет она без помощи взрослых не сможет). Естественно, надо отслеживать информацию, которую откопает Приятель, и регулярно подбрасывать ему свежую.

Нужно также быстро отыскать и возможных друзей/родственников кавалеров милой девочки, которые могли приютить две пропавшие парочки на время, достаточное для совершения всех неосмотрительностей, которые в этом возрасте так привлекательны: семнадцать с половиной процентов – это вам не хухры-мухры.

А еще нужно сегодня же наладить в этом салоне сеть.

Я подсел к первому из двадцати четырех компьютеров, залез в setup и начал набирать команды, сверяясь с написанной заранее бумажкой...

...Теплое майское солнце светило прямо в глаза, мешая следить за мячом. Я пропустил очередную подачу.

– Ты ужасно неловкий, – сообщил Приятель голосом Сашки Садова. – Смотри, проиграешь – распилю на брусья. Мне для кладовки нужны.

– А кто процессор новый купит, эгоист электронный? – осведомился я.

– Сами с усами, – Приятель мигнул экраном. Я с удивлением заметил, что у него тело Вересова, только вместо голо-

вы злорадно мигал монитор. Вересов... У него же есть другая фамилия! Какая? Мне показалось, что это очень важно, что от этого зависит исход гейма, но вспомнить я так ничего и не успел, потому что какая-то девчонка, кокетливо подмигивая Приятелю, подала ему мяч для новой подачи.

«Это же Галя! – сообразил я. – Надо ее поймать, пока мафия не опомнилась!»

– Галя! – закричал я, но она не слышала, а Приятель уже подавал мяч...

Я попытался взять его и с ужасом понял, что ноги мои по колено увязли в песке, которым был посыпан корт.

– Опять мимо! Я предупреждал, – в руках у вересовского охранника, которым вдруг оказался мой напарник, откуда-то, словно в третьесортном американском боевичке, появилась бензопила «Дружба». – Приготовься, Хакер!

– Это нечестно, – я старательно пытался выбраться, но только еще больше увязал. – Человеческие реакции не сопоставимы с реакцией твоего шестисотого процессора!

– Раньше надо было думать, – усмехнулся охранник, приближаясь ко мне.

И тут прямо передо мной в воздухе зажегся спасительный красный квадрат с черным текстом. Приятель все же пришел мне на выручку!

ХАКЕР, ЛОЖИСЬ НА ДНО! – советовал верный комп.

– Какого хрена! – крикнул ему я, а охранник уже подошел вплотную, заводя свою «Дружку»...

Тут я проснулся.

Тьфу, черт, вот тебе и ночка в компьютерном салоне. Со всех сторон таращатся мертвые мониторы, поблескивая серыми квадратными глазами-зеркалами.

А Приятель?

А Приятель перестал гудеть, закончил проверку серверной системы, глазки везде горят зеленые, значит, все в порядке. И не пищит, не шумит, значит, работу по делу тоже закончил.

Я протер глаза, потом вспомнил, что здесь, в салоне, есть все удобства, в том числе и ванная комната, сходил умыться, сделал себе чаю (хоть раз не кофе!) и, перекатывая в чашке лимон, стал читать, что там настрочил мне Приятель.

Перво-наперво консервная банка моя сообщала, что проверка указанных мной фирм закончена, и выдавала процентную вероятность причастности к делу всех конкурентов «Евромебели». Судя по его анализу, фирма «Индгред» имела 0 % причастности к предполагаемому похищению, салон «Элита» – 0 %, «Эстель» – уже целых 0 %, «Сарториус» «Росстандарт» и «Тарасовмебель» поделили оставшиеся 0 % поровну. Ниже в неизменном красном прямоугольнике светилось предупреждение:

«ХАКЕР, ВЕРОЯТНОСТЬ ПОХИЩЕНИЯ ЛИЦАМИ, НЕ ИМЕЮЩИМИ ОТНОШЕНИЯ К ИМПОРТУ МЕБЕЛИ, – 94,7 %!»

Интересно, откуда у Приятеля эта уверенность?

– Покажи, что ты там выкачал! – потребовал я. Машина услужливо выплюнула на экран:

«ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ИНТЕРЕСЫ ФИРМЫ «ЕВРОМЕБЕЛЬ» НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ПЕРЕСЕКАЛИСЬ С ИНТЕРЕСАМИ ФИРМ «ИНДГРЕД» И «ЭСТЕЛЬ», ФИРМА «САРТОРИУС» НЕ ИМЕЕТ ВИДИМОЙ КОНКУРЕНЦИИ С «ЕВРОМЕБЕЛЬЮ» НА РЫНКЕ СБЫТА. В ДЕЛАХ «САРТОРИУСА» ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ШЕСТЬ ВСТРЕЧ ДИРЕКТОРОВ ФИРМ, 5 ОКТЯБРЯ НА СЧЕТ «ЕВРОМЕБЕЛИ» ОТ «САРТОРИУСА» ПОСТУПИЛО 120 МЛН. РУБ. ЗА ПОСТАВКУ ПАРТИИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОФИСНОЙ МЕБЕЛИ. В САЛОНАХ «САРТОРИУСА» КОМПЛЕКТЫ В ПРОДАЖУ НЕ ПОСТУПИЛИ».

Та-ак! Кое-что начинает вырисовываться. Похоже, у Вересова в фирме дела нечисты. Ожидать этого, в общем-то, очень даже следовало – кто в наше время абсолютно чист перед налоговой? Но сумма выглядела чересчур внушительно. Сто двадцать миллионов! И куда же они уплыли? Это может быть отмыванием денег, а если это расплата за поставленный товар, то за какой: оружие, наркотики?..

«Однако, – подумал я, – эти факты не объясняют странной уверенности Приятеля, что похищение – если то, что случилось, было именно похищением – было делом конкурентов/партнеров Вересова. Откуда такая уверенность, я еще раз спрашиваю?»

Приятель не ответил ничего, как обычно, не желая посвя-

щать меня в запутанные тайные ходы своих аналитических измышлений; я не стал требовать у него схему, считая, что это станет напрасной тратой времени. В вопросах, где речь шла о больших толпах людей с разными возможностями и интересами, где не было места эмоциям и какой-либо психологической каверзе, Приятель с его абсолютной дедукцией не ошибался никогда.

Итак, теперь следовало проверить Вересова до самого конца, чтобы точно знать, что и как происходит в его мебельно-дипломатической фирме.

На всякий случай.

– Так, милоч, – задумчиво сказал я. – Пришла, чувствует-ся, пора нам с тобой взломать систему «Евромебели»... На всякий случай, – я дал команду нарушить закон, и pentium с радостью ее принял. А я, чтобы не тратить зря дорогого времени, тем временем собрался поехать в колледж и к Галиному тренеру по теннису.

Выйдя во двор, я почти нос к носу столкнулся с фланирующим в одних штанах и полурасстегнутой рубашке Коляном, выкуривающим какую-то дорогую сигарету.

– Привет, Валерка! – обрадовался он. – Ты куда это собрался?

– Дела. Слушай, позарез нужна тачка. Одолжишь?

– Без проблем!

– Спасибо, – я завернул к его гаражу, попутно здороваясь с Асланом, как всегда намывающим свою машину. Взяв клю-

чи от «БМВ» Коляна, я на всякий случай проверил наличие в баке бензина (вчера Колян ездил на какую-то вечеринку и мог забыть заправиться), однако бак оказался полным. Выехав за ворота, я направил свои стопы, точнее колеса, в сторону дворца спорта «Дельфин», где, судя по моим данным, располагался элитный теннисный клуб для отпрысков новых русских. Надо было поговорить по душам с Андреем Куликовым, первым из ухажеров Гали.

«Дельфин» впечатлял своей грандиозной отделкой, в этом он был сродни московскому метрополитену. Внутри царил спокойная спортивная атмосфера. Я при помощи вахтера и охранника в зелено-пятнистой форме отыскал преподавателя Галиной группы – невысокого поджарого мужчину лет пятидесяти.

– Борис Григорьевич, – в ответ он энергично потряс мою руку.

– Я по поводу Гали Вересовой.

– А что вас, собственно, интересует? – насторожился он.

Вместо ответа я показал ему свою лицензию и намекнул, что работаю на самого Вересова. Отношение его ко мне сразу же переменилось.

– Боюсь, что ничем не смогу вам помочь, – тренер развел руками. – Галя не занимается здесь уже два месяца.

– А ее напарник, кажется, Андрей?

– Одну минуту, – Борис Григорьевич открыл дверь на крытый корт, где тренировались его подопечные. – Куликов!

Подойди на минутку!

Один из ребят, тощий парнишка с птичьим личиком и оттопыренными ушами, отложил ракетку и устремился к нам.

– Вот, пожалуйста. Бобова! Не тяни руку! Мягче, мягче! – он скрылся за дверью, оставив меня наедине с тихо сопевшим и переминавшимся с ноги на ногу Андреем.

– Меня зовут Валерий Борисович, – не теряя времени, я перешел к делу. – Я хотел бы поговорить с тобой о Гале Вересовой.

– А чего со мной-то? Вы лучше с этим ейным Геркой говорите!

– Геркой? – переспросил я.

– Ага, она сейчас с ним дружит. А я ее сто лет не видел и видеть не хочу! – с затаенной злостью выпалил мой собеседник.

– А что так?

– Дура она, – и, чуть помолчав, добавил: – Дружбу на шмотки меняет!

– На шмотки?

– И на положение его папочки!

Я почувствовал, что окончательно запутываюсь. Ведь Вересов говорил, что отец второго ухажера Гали – мелкий предприниматель! Или у нее появился еще кто-то?

– И какое же у него положение?

– А такое... – Андрей помолчал, а затем с опаской спросил: – А чего вы спрашиваете? Вы, вааще, кто?

– Частный детектив, – усмехнулся я. – Разыскиваю твою не ценящую дружбу приятельницу.

– Она что, сбежала все-таки? – оживился мой собеседник.

– Куда сбежала?! – я постарался уцепиться за эту фразу.

– В Евпаторию, к тетке. Она давно говорит, сбегу, мол, к тете Свете, там лучше, и вообще море, пляжи...

– А адреса или телефона этой тетки она не называла?

– Нет.

– Теперь поподробнее об этом ее Герке. Кто он такой?

– Да учатся они вместе, что ли... Галя говорит, что у него папаша главный прокурор. Только сынок не в него. На гопника похож больно, хоть и строит из себя интеллигента.

Что-то явно начало вырисовываться. По крайней мере, поиск нового друга Гали заметно облегчился. И появился еще один адрес, по которому ее следовало искать. Вот только почему сам Вересов не упомянул про тетку из Евпатории?!

В любом случае необходимо ехать в колледж, искать этого Герку (Сашку/Гришку... Какого хрена такой разброс имен?! Не нравится мне это. А может, и правда разные ребята...). Я попрощался с Андреем и двинулся в сторону колледжа. По пути мне в голову пришла еще одна гениальная идея: Гошка! Юный гоблин недавно перевелся в физико-математический класс, участвовал в городской олимпиаде, проходившей в том самом колледже, где учатся Галя и ее новый друг, у Гошки в колледже появились друзья, может, он даже знаком с нужными мне ребятами! Я набрал номер телефона Коляна.

После нескольких длинных гудков трубку взяла Катя.

– Катя, здравствуй, это Мареев. Гоша сейчас где-нибудь поблизости?

– Нет. Он, кажется, собирался к друзьям. А что случилось?

– Да ничего серьезного. Просто хотел проконсультироваться относительно общих знакомых. Если он появится в течение трех часов, то пусть перезвонит мне.

– Хорошо.

Я попрощался и отключился. Звонить Вересову и выговаривать ему за сокрытие тетки пока не будем, сперва поговорим с учителями Гали и с ее другом, может, еще что-нибудь вырисуетя.

Колледж гудел как пчелиный улей. Шла перемена. Я с трудом протолкался по узким коридорам, битком набитым учащимися, на второй этаж, где располагалась учительская. Постучал и, получив вежливое приглашение войти, окунулся из коридорной толкотни и гама в спокойствие.

Учителей было совсем немного, и все они как один повернулись ко мне.

– Прошу прощения, я хотел бы побеседовать с классным руководителем Вересовой Гали.

– Да-да, прошу вас, – из-за стола у окна поднялась стройная молодая девушка, чье милое личико окутывало облако черных волос.

Мы вышли в коридор, и моя провожатая, вызывавшая

во мне странное щемящее чувство, провела меня в один из пустовавших классов, грациозным движением притворив дверь.

— Очень хорошо, что вы пришли, преподавательский состав обеспокоен поведением вашей племянницы. — Я удивился, сообразив, что меня приняли за Галиного родственника, но пока не стал ничего говорить. — Она в последнее время стала систематически прогуливать школу, учиться недобросовестно, стала какой-то нервной и рассеянной. Я, конечно, понимаю: развод родителей, отец постоянно находится в командировках, но вы-то могли бы уделять ее учебе чуть больше внимания! И эти друзья, толпами ходящие по школе в ее поисках! Вам не кажется, что Гале не стоит общаться с подобными людьми?

— Позвольте, э-э...

— Инна Николаевна, — представилась она, обворожительно улыбаясь, а я подумал, что ее милое восточное личико и молодой возраст, несомненно, снискали ей популярность среди старшеклассников, склонных влюбляться в учителей. — Если вы не справляетесь с Галей сами, может, стоит все же сообщить ее отцу; мне кажется, он имеет на Галю влияние и беспокоится о ее образовании, по крайней мере, настолько, чтобы прервать командировку.

— Прервать командировку? — сладко улыбнулся я. — Но Сергей Леонидович как раз сейчас в городе, я разговаривал с ним не далее как сегодня утром.

– Н-да? – Инна Николаевна потерла лоб рукой. – Когда я встретила позавчера Галю и потребовала привести в школу родителей, она сказала, что ее отец в долгосрочной командировке, и единственным родственником старше шестнадцати, находящимся в городе, являетесь вы, Алексей Петрович!

Теперь все встало на свои места. Галя, похоже, желая скрыть от отца истинное положение своих учебных дел, на ходу сочинила для строгой преподавательницы историю с командировкой отца и несуществующим дядей Алексеем Петровичем или... Или мой клиент на самом деле – не ее отец!

– Но двое из родителей четверых ваших уехавших ребят вчера должны были говорить с вами насчет всего... – произнес я, улыбаясь как можно беззаботнее.

– Да, – тут же среагировала Инна. – Я им все сказала об учебном положении этой великой четверки, и они обещали разобраться, но я ведь знаю их, это люди занятые, все в делах, они один раз поговорят и забудут, а тут нужен постоянный контроль!

– А когда у Гали начались прогулы? – понимающе кивнув, спросил я, решив попользоваться состоянием псевдодядюшки на полную катушку.

– Прогулы начались около полугода назад, – ответила учительница, – но систематическими они стали только в последние два месяца, а неделю назад она совсем перестала посещать занятия!

– Хорошо, – заметив, что она по молодости излишне волнуется из-за своих учеников, я взял Инну под локоть и отвел к окну в сторону от основного кричащего потока мчащихся по своим переменным делам учеников.

Она почему-то зарделась. Я отпустил ее локоть.

– Инна Николаевна, мне бы хотелось услышать о ее, как вы сказали, не слишком привлекательных друзьях, а также о некоем Герке, ее товарище. Фамилия его мне, к сожалению, не известна, его отец – что-то типа главного прокурора области. Мальчик, предположительно, встречался с ней после уроков, и они вместе шли в музей, в театр или в кино.

– У нас нет такого ученика, – живо среагировала она, разумеется, не повергнув меня в крайнюю степень удивления. – Но я его пару раз видела, он про Галю спрашивал. Очень симпатичный мальчик! Воспитанный такой! Насчет прокурора не знаю, я с его отцом не знакома, да и с ним только мельком, но Галя ему явно нравится. Она ему очень интересна. А еще он очень хорошо разбирается в лекарствах и болезнях, во всем, что касается всяких препаратов и так далее... В общем, будущий доктор.

– Откуда у вас такая информация? – поинтересовался я. – Для мимолетного знакомства совсем неплохо.

– Именно так Галя отрекомендовала своего друга прежнему кавалеру, – ответила учительница. – А я тетради в это время проверяла.

– Вы не знаете, кто бы это мог быть на самом деле?

– Ну, зовут его Георгий, это точно. Он, кстати, забежал сегодня утром, спрашивал о ней, ведь он не знает, где она пропадает!

Так. Имя все же выяснено. И на том спасибо. И все же я чувствовал, что без дополнительного визита к Приятелю мне все это не разгрести.

– А сомнительные друзья? Это были какие-нибудь неформалы или, наоборот, бритоголовые великовозрастные детины?

– Нет, честно говоря, я не знаю, одеты они были вполне прилично, но мне что-то в них не понравилось. Выражение лиц, поведение... Скорее всего, их нахальство и беспардонность. Зашли в класс, осмотрелись с видом хозяев, один громкогласно заявил Гале, что они ее ждут, и все трое вышли, да же не извинившись. Это не единственный случай, и не только на моих занятиях.

– Эти ребята были старше Гали?

– Да проблема в том, что это только эти трое, а те, кто к ней ходят, по несколько раз в месяц меняются!

Ну надо же. Прямо Мэрилин Монро эта наша Галя. Интересно.

– Очень хорошо, – кивнул я. – Инна Николаевна, давайте договоримся: я буду больше уделять внимания Гале и ее учебе, и вы мне поможете разобраться в ее делах. Если вы узнаете что-то новое или появится этот Георгий, позвоните, пожалуйста, мне по этому телефону...

Я дал ей номер своего сотового.

– Хорошо, – Инна немного растерянно кивнула и заложила моим телефоном журнал. – Алексей Петрович, я очень рада, что вы беретесь за Галю. В последнее время она часто вела себя неадекватно обстоятельствам, да и вообще, все эти многочисленные молодые люди...

– Не беспокойтесь, я вас хорошо понимаю... А в чем выражалась неадекватность ее поведения?

– Понимаете, – ответила Инна Николаевна. – Дело не в ней одной, а во всех четверых...

– Вы имеете в виду Галю, Инну Синявскую, Сашу Разина и Андрея Гизатулина? – назвав имена и фамилии четверых пропавших, уточнил я, чтобы потом не отвлекаться: судя по всему, то, что учительница хотела мне сказать, было действительно важно.

– Именно, – кивнула она. – Они в последние полгода между собой очень сдружились. Интересы у них общие, какой-то проект у них совместный, к учебе никакого отношения не имеющий, но ради которого они готовы на все. Не знаю, что там у них такое, они все это скрывают от нас, недостойных, – она всплеснула руками, – с этим своим проектом они гору литературы перечитали и перевернули. Я точно не знаю, – она немного замаялась, – но, кажется, у каждого из них была своя специализация. Вот Галя, например, занималась чем-то, связанным с эротикой, – она глянула на меня несколько смущенно. – Они иногда такие темы запросто обсужда-

ли, что просто ужас! – она немного робко рассмеялась, снова слегка краснея.

Я вспомнил книги, привезенные Вересовым на показ. Ну, Галя, уж не диссертацию ли ты собралась писать?

– А на что этот проект вообще был направлен?

– Да откуда же я знаю, Алексей Петрович? – снова улыбнулась она. – Они же мне не говорят. Я пару раз спрашивала, но они отшучиваются. Говорили, что хотят мир завоевать и привести страну к кризису... Вот мы и пришли! – она снова рассмеялась.

Улыбнулся и я, чувствуя, как ее обаяние медленно растапливает мое огрубевшее нутро.

– А Георгий в этом проекте участие принимал?

– Кажется, нет, при нем они ничего не обсуждали. Галя, когда с ним встречалась, сразу же брала его под ручку и уходила на свои прогулки... Ох, и кокетка она у нас, даром что девочка вполне серьезная.

Проанализировав список вопросов по этому делу, я понял, что уже получил от классной руководительницы все, что мог, и нужно отправляться дальше – например, искать таинственного Георгия.

Распрощавшись с Инной Николаевной, я пожелал ей всего хорошего и пообещал, что буду за Галей следить, что, в общем-то, в данных обстоятельствах было совсем похоже на правду.

Уже по пути домой, в СТО, находясь в машине, облива-

емой со всех сторон мощными струями мойки, я подумал, что неплохо было бы задержаться и посмотреть на Галиных одноклассников. Как говорится, задним умом мы все горазды...

Меж тем мой желудок уже начинал бастовать, да и действие кофе явно заканчивалось. Несмотря на то, что дома меня ждал разрабатывающий свой новый имидж Приятель, я позволил себе завернуть в ближайшее кафе и потратиться на нормальный завтрак с гамбургерами, соком и еще одной чашкой «напитка смерти».

Сон вроде бы пока отступил, но – я знал это по опыту – ненадолго. Пока я еще способен логически мыслить, надо заехать в игровой салон и посмотреть, что там за рекомендации насочинял для меня мой «пяточок». Это дело я без него явно не разгребу, и отнюдь не из-за своей тупости, просто трудно работать, когда сон тянет к тебе свои липкие щупальца...

Но сейчас, скорее всего, еще слишком рано. Судя по всему, компания «Евромебель» довольно серьезная организация, и у них на сетях должна быть куча защит. Ценность моего Приятеля, когда он работал взломщиком, была в том, что подсоединяться к любой системе он умел незаметно, так как зарегистрирован нигде не был, а для посылки декодирующих запросов и для взламывания кодов пользовался инструментами, которыми пользовалось нынешнее переформированное КГБ, так что заметить его запросы было фактически

невозможно.

Кроме того, он был постоянным, не прекращающим работу дешифратором и мог расколоть любой замысловатый код. Но для этого ему нужно было время. Так что ехать в салон лучше всего вечером. Все равно он раньше завтрашнего утра не откроется...

...Двор мой встретил меня привычным скрежетом и лязгом: Садомов распиливал доски для какого-то очередного благоустройства своей квартиры. Старушки дружно повернулись в мою сторону, когда я, поставив в гараж отмытую колянковскую тачку, поплелся к подъезду, вяло нащупывая в кармане ключи.

– Валерий Борисович, – баба Настя окликнула меня своим певучим голосом, когда я уже взялся за ручку подъездной двери. – Вам письмо из Казани, – она сунула руку в потрепанный саквояж, который по одной ей понятным причинам предпочитала всем прочим сумкам и авоськам, и, покопавшись там несколько минут среди очков, тряпочек для их протирания, свежих газет и еще бог знает чего, извлекла на свет аккуратный запечатанный конверт с обычными почтовыми реквизитами.

– Спасибо. А кто принес письмо?

– Почтальонша. Ну, та, молоденькая, что недавно устроилась.

Я кивнул, еще раз поблагодарил, и, взяв конверт, отправился домой.

Письмо оказалось посланием еще одного моего одноклассника, которого судьба занесла так далеко от Тарасова. Я бросил его на стол. Прочитаю, когда кончу со всем этим киднепингом. А сейчас главное – поспать, и вечером – в компьютерный салон, к Приятелю.

Глава 3

Компьютер ждал меня во всеоружии. После проверки работы салонной системы я объявил, что хочу увеличить скорость обмена и останусь здесь еще на часок. Хозяин салона, пухловатый молодой еврей, был счастливо удивлен, не в силах понять моей необъяснимой рабочей щедрости и попросился со мной как с генералом, идущим на смерть ради родины.

Я дождался наконец, пока салон опустеет, и занялся своим делом. Ввел пароль, открывая первое рабочее окно Приятеля, и увидел: посреди экрана на фоне яркого красного прямоугольника были выведены основные рекомендации, которые я не замедлил прочесть, в очередной раз немало удивляясь изощренному садизму собственного творения, то есть программе этой паршивой железяки. Вот что прописал мне доктор pentium на сей раз:

«1. ВЕРЕСОВ ГОВОРИТ ПРАВДУ. НО НАРКОТИКИ – БИЧ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

2. ДЕТИ – ЦВЕТЫ ЖИЗНИ. ИЩИ КОРЕНЬ ВСЕХ ЗОЛ.

3. ДО 12.00 14 ОКТЯБРЯ ПОЗВОНИ В БЮРО НАХОДОК НОМЕР 16 И ЗАКАЖИ СОСISKУ С ПАПРИКОЙ. ОБЯЗАТЕЛЬНО!

4. ВСТРЕТИШЬ СЫНА – ВСПОМНИ КИЕВСКОГО ДЯДУШКУ».

Несколько секунд я смотрел на эту белиберду, а затем мои нервы не выдержали, и я расхохотался. Смех гулко отозвался в пустом полутемном салоне (я выключил свет, чтобы он не резал глаза). Я замолчал и снова воззрился на светящийся глаз-монитор Приятеля.

– Сука ты! – с чувством выдохнул я наконец, пытаюсь понять, чего добивается от меня чертов «пятачок». – Ну, с Вересовым понятно, его фирма, скорее всего, прикрытие для тех, кто вертит тарасовским наркобизнесом. Дети, кажется, вместе что-то хитрое замыслили уже полгода, и именно это ты мне советуешь узнать, считая, что в этом кроется смысл их исчезновения... Но какая, на хрен, сосиска?!

Приятель обиженно молчал. Мысленно сосчитав до десяти и на том успокоившись, я дал ему приказ отчитаться о проделанной работе. Перепроверять указания ящика не имело смысла: в идиотских высказываниях, которыми мне было предложено руководствоваться, pentium видел какую-то недоступную человеческому (или непосредственно мареевскому) пониманию логику. Или, может, ему просто не хватало слов и выражений, чтобы передать то, что он мне советовал, в более простой и логичной форме, вот он и подыскивал самые странные и загадочные; впрочем, над этой проблемой я бился уже долгое время и в конце концов окончательно на нее плюнул.

В общем-то, компьютер мой не ошибался почти никогда, а разобраться в его указаниях было вполне возможно, неко-

торое время логически поразмыслив.

То есть сейчас оставалось только понять, чего именно он от меня хочет, и, независимо от результатов моего мыслительного процесса, соблюдать предписания доктора.

Меж тем моя программа порадовала меня:

**«ОБРАБОТАНА И ПОДГОТОВЛЕНА К ПРОЧТЕНИЮ
СЛЕДУЮЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ:**

1 – КАЗАКОВА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА (МАТЕРИАЛЫ О РАЗВОДЕ, ЛЕЧЕНИИ);

2 – ФАЙЛЫ РАБОЧИХ КОМПЬЮТЕРОВ «ЕВРОМЕБЕЛИ»;

3 – ФАЙЛЫ ЛИЧНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ СОТРУДНИКОВ ФИРМЫ».

Н-да... Недурно. И, судя по первому из предложенных пунктов, Приятель нашел-таки мать девчонки, которая точно жива и относительно здорова. Ну-ка, что там за лечение она проходила?..

Перечитав данные, выуженные Приятелем черт знает откуда, я только присвистнул. Верный комп довел до моего сведения, что причиной развода, а также того факта, что суд оставил ребенка отцу, послужила наркотическая зависимость Л. Б. Казаковой; что до развода она полгода находилась на принудительном лечении в Тарасовском наркологическом центре и была признана неизлечимой; а также то, что после развода незадачливая мамаша подавала прошение о пересмотре решения суда относительно Гали, заручившись

справками об успешно пройденном курсе лечения.

Вересов, понятное дело, легко сумел убедить малолетнюю Галю в том, что мама умерла, но вот как он убедил суд в том, что дочь думает обратное, то есть что она все знает?

Непонятно как, но тем не менее повторный суд, проходивший, как и первый, в отсутствие предмета судебного разбирательства, то есть самой Гали, подтвердил лишение материнских прав, и Людмила Борисовна отбыла в Ульяновск, к матери, где снова безуспешно лечилась и на сей раз вполне преспокойно тунеядствовала.

Непонятно откуда выуженные Приятелем фотографии разного размера представили мать Гали в полной красе. В общем-то, когда-то красивая женщина, здесь она уже казалась подавленной и какой-то слегка распухшей. На всякий случай я запомнил приметы.

Далее следовало несколько кратких сообщений об абортах и потере ребенка (очевидно, несмотря ни на что, в любовниках у Галиной матери недостатка не было). Последним в череде этих увлекательнейших медиконарколюбовных сообщений была короткая выписка из евпаторийского токсикологического центра, куда бывшая жена Вересова поступила в тяжелом состоянии, вызванном передозировкой наркотиков. Каким ветром ее занесло к морю, Приятель умалчивал. Итак, след обрывается в солнечной Евпатории...

Стоп! Погодите-ка... Евпатория... Что-то словно кольнуло меня. Какое-то слово связано с этим городом, одно только

слово... Тетка!

– Ага! – обрадовался я, чувствуя, что сейчас расцелую свой pentium прямо в монитор. – Приятель! Умница моя! Ну-ка посчитай вероятность того, что упомянутая Андреем Куликовым тетушка, к которой, по его словам, собиралась сбежать Галя, и ее мать – одно и то же лицо! – быстро набрал данные разговора с мальчишкой из теннисной секции и код анализа в командной строке.

Машина услужливо напрягла свой трехсотый процессор и девять гигабайт общей памяти, и выдала:

«ВЕРОЯТНОСТЬ СОВПАДЕНИЯ – 0,8 %».

Я был доволен. Итак, мать пропавшей не успокоилась на том, что провалила второй судебный процесс и попыталась наладить отношения с дочерью нелегально, под видом собственной сестры, опасаясь Вересова и его людей, но, возможно, сумев найти способ наладить отношения с дочерью через их головы.

Не знаю, что она ей рассказала и как развивались их отношения, но вполне возможно, Галя собиралась на некоторое время сбежать от любящего, «способного создать все условия для воспитания ребенка», но слишком занятого работой отца к обещающей привольное житье у моря и массу приключений «дальней родственнице». Или еще что-нибудь в этом роде.

А может, Казакова просто сказала девочке, что она ее мать, а та поверила и решила что-то сделать.

– Какова вероятность нахождения Гали у матери? – спросил я, прикидывая, как можно соотнести данную версию с пропажей еще троих одноклассников беглянки.

Приятель думал долго. Необычно долго для такого простого вопроса. Значит, что-то было не так. Я уже начал беспокоиться, когда на третьей минуте компьютер пискнул, мигнул монитором и ответил:

«**ВЕРОЯТНОСТЬ ПОБЕГА К МАТЕРИ – 7,5 %**».

– Почему?! – удивился я. – Это же напрашивается! – и дал команду схематично объяснить данный вывод.

Приятель вывел в рабочее окно довольно простую схему, объясняющую его построения: четверо пропавших – это четыре колонки возможных мотивов, случайностей и происшествий. Длинные, между прочим, колонки, строк на сто двадцать вниз каждая, и, просмотрев их, я отчетливо понял то, что Приятель осознал сразу же: желание побега к матери, каким бы горячим оно ни было, не могло свести воедино интересы четверых детей, не могло превратить замысел в свершившийся факт – если здесь не было чего-то еще. Чего-то скрытого, неявного...

Мне на ум снова пришли слова учительницы о странном проекте, который занимал умы и дела четверых пропавших учеников вот уже полгода. Но ничего конкретного, понятно, мне придумать не удалось.

Приятель тем временем, кстати, продолжал безостановочный мыслительный процесс и после полуминутного разду-

мья громко пискнул, зашуршал винтом, что-то перекачивая внутри себя.

А затем, снова обведя их красной рамочкой, выдал давешние указания, поменяв их, правда, местами.

Теперь на первом месте значилась пресловутая сосиска, на втором – вересовские наркотики, а корень всех зол отполз на третий план.

– У тебя что, вирус во чреве завелся? – поинтересовался я. – Или ты Булгакова на ночь перечитал? А господи, это же не ты у нас теперь читатель, а твой брат в моей квартире!.. Но все равно, выражаешься, как плохой литературный критик: корень всех зол, надо же! И не старайся, все равно не поверю, что какой-нибудь кот Бегемот, лазая по сетям, проник в твою электронную голову. Нечистой силой твою электронную дурь не объяснить... А мне что, с ума сходить, разгадывая твои головоломки? – последнюю фразу взял и почти автоматически написал в соответствующей строке.

В ответ на мои, в общем-то, бесполезные ворчливо-саркастические замечания pentium вывел на экран десерт и без того сверхтяжелой для моих сонных мозгов пищи:

«БУЗ ТРУДА НЕ ВЫТАЩИШЬ И РЫБКУ ИЗ ПРУДА!»

Разумеется, это идиотское откровение тоже было выделено красным прямоугольником (что-то многовато их в этом деле).

Мне оставалось только почесать в затылке. По крайней мере, Приятель на сей раз порадовал меня упоминанием ре-

ально существующей поговорки, только к чему оно тут? Что я, мало работаю, по его мнению, что ли?.. Прежде чем выяснять это, я решил просмотреть остальную добытую «пятак-ком» информацию.

Рабочие файлы «Евромебели» занимали довольно большой объем и в основном являлись просто мозгогрузильной бухгалтерией и рекламными проспектами. Но когда у меня уже начали слипаться ото всей этой тягомотины глаза, я вдруг заметил довольно скромный файл под названием «corresp. txt».

Подумав, что вот тут-то и может быть зарыта главная собака, я кликнул мышкой в эту самую «корреспонденцию». И был вознагражден сторицей!

Файл содержал письмо Вересова руководителю какой-то итальянской фирмы (не «Nostalgia» – деловая корреспонденция с основной фирмой-партнером хранилась в отдельной директории) и ответ. Судя по тексту, это была долгая и весьма оживленная переписка, только вот другой корреспонденции от нового партнера Сергея Леонидовича в памяти компьютера не было. Либо она уничтожалась, либо мой клиент предпочитал хранить ее на других видах носителей. Приятелю просто повезло, что последняя электронная почта не успела перебраться на дискеты или в «корзину».

Вчитываясь в предоставленную мне находку, я постепенно просыпался от вязкого сна неизвестности и все больше начинал понимать.

«В ответ на Ваш запрос, господин Вересов, предлагаю новый вид товара по совершенно новым ценам, в кусках: гарнитур спальный «Марго», четырехспальный, сосна, 20. Стоимость \$12000; набор европейских кресел «Альпы», гобелен, ель, одноместные, 36. Стоимость \$14000. Обычным рейсом отправлена партия спального гарнитура «Сандра» на сумму \$9600. С почтением, Г. Ренари».

Ниже было добавлено обычным winword'овским шрифтом:

«Оплата по тарифу переводом через «Сарториус» пятого октября. Ждать документов».

И все. Я перечитал послание таинственного Г. Ренари. И внезапно понял: все цены измеряются в кусках! То есть тысячах – значит, набор кресел «Альпы» стоит четырнадцать миллионов долларов! Гарнитур стоимостью в двенадцать миллионов! И не наших, деревянных, а долларов! Число «20», скорее всего, означает количество поставки, но в столь малых количествах на такую сумму тянет только какое-нибудь мощное оружие, обычно не импортируемое, а экспортируемое российскими дельцами теневого бизнеса или...

Или наркотики. Бич человечества.

Я рассмеялся, хотя ничего смешного в происходящем не было. Судьба подсунула мне человека, который всей деятельностью своей крупной и уважаемой фирмы прикрывал операции теневых дельцов наркобизнеса.

В таком случае «спальный гарнитур» и «сосна» – это за-

кодированные характеристики «товара», например: «галлюциноген, вызывающий эйфорию», или еще что-то типа того.

Итак, Вересов, судя по всему, большой человек в теневой стороне жизни тарасовской области.

В таком случае, его дочерью могли заинтересоваться другие наркодельцы, которым он перешел дорогу. Нет, что-то не сходится. Остальные трое им зачем? Что, отцы других пропавших тоже воротили наркомафии? Многовато их тогда приходится на наш несчастный Тарасов.

Оставалось только в очередной раз почесать в затылке да начать выполнять указания Приятеля. Хотя, конечно, были еще папки с личными файлами, но на них у меня уже не хватало сил. Если я буду читать дальше всякий нудный бред, из которого в основном они и состоят, то непременно засну.

Сыщику Марееву сейчас нужен совсем другой вид деятельности, тот, что дает побольше впечатлений. Например, поиск корня всех зол – это у нас под номером три в списке. Вроде совсем просто и понятно: найти новые источники информации о том, чем бы могли заниматься четверо детей школьного возраста в последние полгода.

Зато торчит откуда-то из бюро находок и нависла, как дамоклов меч, над моим и без того готовым к помутнению рассудком огромная сосиска с паприкой... Тьфу ты! Чушь какая. Прямо как во сне. Я встал и, потянувшись, снова спрятал программу Приятеля в недоступную не знающим шифр глубину сервера, а затем отключил монитор.

– До скорого, Приятель! Если захочешь сэндвич с артишоком, позвони в бюро трудоустройства и попроси записать его тебе в дисконд А!

Поскольку экран был уже погашен, последнее слово осталось за мной.

Время достигло восьми вечера, и звонить в бюро находок было поздно. Значит, завтра, благо до восьми утра есть время. А сейчас нужно заехать на переговорный, откуда звякнуть в Ульяновск, где у Галиной бабушки узнать, как отыскать Галину маму. Ну, а потом домой. К Приятелю номер два, который скоро станет единственным и неповторимым в своем роде.

Я вышел из здания, перешел улицу и остановился в ожидании общественного транспорта.

Солнце уже перевалило за горизонт и теперь ярко освещало Америку с ее задранными буржуями. На остановке почти не было народа, лишь стоял замерший, но до странного зловещий, словно в любой момент готовый отправиться за очередным клиентом, микроавтобус с траурной черной полосой по борту и грандиозной рекламой на заднем стекле.

Я подумал о том, что раз пошла такая пьянка и я поневоле связался с человеком, который представляет наркотики, пора бы написать завещание. И все имущество оставить в наследство Приятелю, потому что больше практически никому. Ну, еще тетке чуть-чуть. Например, квартиру...

В переговорном пункте было на удивление оживленно.

Толпились люди, совершенно друг на друга не похожие, олицетворяющие город и всю страну своим разношерстным разнообразием, своим деловитым равнодушием.

Я заказал разговор с ульяновской квартирой и вошел в кабинку. Долго ждать не пришлось, трубку взяли после третьего гудка.

– Але? – спросил оттуда старческий женский голос.

– Здравствуйте! – громко и отчетливо сказал я. – Вам звонят из Евпатории, по поводу вашей дочери, Людмилы Борисовны! Я ее врач из санатория! Дело в том, что мы договорились созвониться по вопросу дальнейшего лечения, я нашел специалистов! Вы не могли бы мне сказать, где она сейчас находится?

Старушка помолчала несколько секунд, затем глуповато спросила:

– Чево?..

Я, не теряя терпения, повторил все с самого начала, настолько громко, отчетливо и благожелательно, насколько вообще мог.

Результатом стало немедленное вознаграждение моих стараний:

– А уехала она, – с готовностью откликнулась бабушка. – Уже полгода, как уехала... А кто ее спрашивает?

– Врач! – воскликнул я. – А куда уехала?

– В Тарасов, сказала, – ответила старушка. – А вы ее там не встретите?..

– Встречу, бабуля, встречу, – пообещал я. – Обязательно встречу. А она одна уехала или с кем-то?

– Да одна, с кем ей ехать-то?

– Хорошо... – Тут я совсем не к месту вспомнил о четвертом, непонятнейшем из указаний Приятеля и на всякий случай спросил: – А вы не подскажете, у вашей Людочки не было никакого киевского дядюшки?

– Чаво? – удивилась старушка. – Дядьки все ее здесь померли... А вот любовник там у нее был. Лет четырнадцать-пятнадцать назад. Видный мужик... кажися, прокурор тамошний...

– Да? – тупо спросил я, мысленно вычеркивая эту явно ненужную информацию из списка подсказок жизни в ответ на неразгаданные вопросы этого дела. – Ну спасибо вам, бабуля, всего вам хорошего. До свидания.

Старушка перед тем, как положить трубку, взяла с меня слово, что я отучу ее «ушлую» пить (про наркотики она, чувствуется, и не знала), а также строго наказала мне следить за Людкой «и вообще».

Что подразумевалось под этим, я так никогда и не узнал. Распрощавшись с переговорным пунктом, я покинул его и отправился к себе домой.

Итак, уже полгода как мать Гали, скорее всего, в Тарасове. И мне нужно только узнать, где именно она находится, тогда, скорее всего, проблема с пропавшими детьми будет разрешена. Правда, вполне возможно, узнав о том, что детей

никто не похищал и не требует за них никакого вознаграждения, получившие свое родители оплатят мою работу по гораздо более низкому тарифу, чем обещано. Но, в общем-то, если все так просто пройдет, за что платить больше?..

Подумав хорошенько, я вернулся в помещение салона, которое покинул полчаса назад, взял у вахтера ключ, мотивировав это своей забывчивостью, и, снова пробудив Приятеля к жизни, загрузил в него данные о разговоре.

Электроник думал недолго.

«ИЩИ В СПИСКАХ ЗАО «ТГК» ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА», – сообщил он.

«Наконец-то что-то более-менее понятное!» – подумал я, собравшись было записывать указание в блокнотик, как вдруг память услужливо подсказала мне, что ЗАО «ТГК» – это же «Тарасовское городское кладбище»! Вернее, частная служба платной информации, прикрепленная к конкретному району и ведущая по нему полный учет всех событий, имеющих отношение к смерти в этом районе города!

Уже через минуту, вспомнив, что работают они круглосуточно, я звонил в «ТГК».

– Але? – отозвался из трубки ленивый мужской голос. – Вас слушают.

– Вас беспокоят из архива пятого отделения, – не очень подробно и точно объяснил я, надеясь, что прокатит. – Мы разыскиваем женщину и только что получили данные, что полгода назад она была убита и, возможно, похоронена на

кладбище Ленинского района. Вы не могли бы сейчас посмотреть в своих данных, я дам приметы.

Несколько удивленно и озадаченно, но мужчина на той стороне линии сразу же согласился. Узнав, что это произошло примерно полгода назад, он достал журнал того времени, и через несколько минут мы вдвоем уже отыскиали гражданку неизвестного происхождения, полностью подходящую под описание примет Галиной матери, причиной смерти которой были несколько ударов чем-то тяжелым и тупым по голове.

– А-а, я вспомнил эту тетку! Там еще случайная свидетельница происшествия была, – неожиданно сообщил мой кладбищенский гид, видимо, воодушевляясь темой, – девочка такая, лет тринадцати... Гуляла там неподалеку, вот и увидела... Ее оперативники в рапорте упомянули, вот, здесь написано, – светловолосая, особых примет нет. Она все видела, кажется, и у нее случилась истерика. Вот... Убежала, здесь написано, в истерике. Очень напуганная была.

– А как ее звать, она оперативникам не сказала? – волнуясь, спросил я.

– Они ее даже не успели допросить, – ответил человек из архива. – Когда наряд мимо проезжал, она просто стояла и на труп пялилась, как их увидела, так очнулась, что-то заорала и умчалась. В подворотню, видать, свернула и сгинула. Не догнали...

В общем-то, я уже знал все, что мне было нужно. Побла-

годарив моего информатора, я попрощался с ним и, запрятав Приятеля заново, пешком отправился домой.

Итак, ситуация начинала проясняться и нравилась мне все меньше.

Мать Гали Вересовой приехала в Тарасов, как-то связалась с дочерью, они должны были встретиться в назначенное время в указанном месте, а когда дочка пришла на эту встречу, увидела труп матери. Убийца, скорее всего, подосланный Вересовым, ушел незамеченным, либо его видела только Галя. В любом случае она, похоже, либо не поняла, что это дело рук отца, либо поняла и затаилась. Стала ждать.

Тут у меня в голове мелькнула новая интересная мысль. Ведь именно полгода назад начались эти странные приготовления четверых детей, этот их непонятный проект – приготовления... к чему?..

И если четырнадцатилетняя дочь мстит своему отцу за зверское убийство матери, то какой же будет месть?.. И почему эта ее задумка оказалась такой серьезной и притягательной, что в ней приняли участие еще трое подростков, которым вроде бы мстить Вересову совсем не за что?..

В таких вот размышлениях меня и застал звонок сотового, открывающий серию из трех памятных звонков одного осеннего вечера. Я вздрогнул, когда он неожиданно заверещал, и быстро нажал на «talk», оглядываясь в темноту улицы, по которой направлялся домой. Вокруг было совершенно безлюдно.

– Мареев, – незнакомый мужской голос в трубке был мягок и тих. – Ты в данный момент у меня на прицеле. Иди спокойно, осторожно и не дергайся. Я стреляю очень хорошо, лучше тебя. Не промахнусь.

Я облизал мгновенно пересохшие губы и выпрямился, стараясь не оглядываться, хотя тянуло непреодолимо, прямо-таки инстинктивно.

– Ну? – только и спросил я.

– Все просто, – с готовностью ответил голос. – Дойдешь до Рахова, поверни направо и войди через дыру в заборе на территорию стройки. Там встань в нише под краном, она одна, не перепутаешь. Жди, к тебе подойдут двое мужчин. Одним из них буду я, и мы нормально поговорим. Но учти, все время я с тебя глаз не спущу.

– Хорошо, – сказал я, глазами обводя уже видимую неподалеку стройку и высматривая, откуда было бы легче всего за мной наблюдать.

Говорящий, скорее всего, считал, что имеет дело с непрофессионалом, но он ошибался.

– Я все сделаю, не стреляйте, – уверял я, продолжая исподлобья наблюдать за темным строением с семью недостроенными этажами, и на шестом ударе сердца увидел краткий двойной блеск, парный отраженный лунный блик – от объектива бинокля.

Наблюдатель сидел на четвертом этаже. Значит, как только я окажусь рядом с домом, он перестанет меня видеть. И

тогда придет пора действовать.

Говорящий повесил трубку. Я быстрым шагом преодолел расстояние, отделяющее меня от стройки. Увидел дыру в заборе, кажется, свежевыломанную.

Напряжение нарастало с каждым шагом, кровь пульсировала в голове, в ушах шумело. Да, я отвратительнейшим, натуральнейшим образом боялся. Жутко боялся – но знал, что выход на самом деле есть. Вернее, что я не дам себя загнать в безвыходное положение.

Разговаривать с кем-либо, стоя в строительной нише я, разумеется, не собирался.

Вот и ниша, кстати. В ней совершенно темно, практически ничего не видно. А слева, рядом с ней – грудa кирпичей и большое корыто, покрытое засохшим цементом.

Мозги мои работали на удивление быстро, словно какой-то программист разогнал процессор аж до сотого или по меньшей мере до шестьдесят шестого. Я поднял корыто и, пытаясь не шуметь, перетащил в нишу, поставив вертикально.

Отошел назад, всматриваясь в темноту и пытаясь понять, примут ли те, кто сейчас сюда придут, этот темный контур за фигуру человека. Времени на размышления не было.

Сердце нехотя, но все же, повинаясь моему приказу, начало сокращаться все медленнее и спокойнее; но неподалеку вдруг послышались шаги приближающейся пары, идущей оттуда же, откуда пришел я – с улицы.

Я сиганул за кучу кирпичей, замер, ожидая реакции сверху, но, очевидно, наблюдатель действительно не видел меня отсюда.

Чуть-чуть высунувшись, я увидел обоих, освещенных ярким лунным светом. И тут же узнал. Низенький толстяк и высокий бритый бицепсонос. Не далее как вчера утром они приходили ко мне домой, стреляли через дверь.

Оба остановились перед нишей одновременно, вглядываясь в темноту.

И тут же, как по команде, подняли руки и выстрелили внутрь. Я вытащил свой «макаров» в тот момент, когда не слишком громкое эхо выстрелов раскатилось по квартальной стройке, и заученным движением пальца снял его с предохранителя.

Но стрелять не потребовалось. Позади и немного справа, на выходе из черного прямоугольника подъезда появилась еще одна фигура с пистолетом в руке. Фигура человека невысокого, гибкого и очень тонкого для взрослого мужчины. С длинными черными или просто темными волосами, завязанными в тугой хвостик.

Его пистолет был с глушителем, поэтому те двое не услышали двух выстрелов. Они действительно были очень точными, то есть он действительно стрелял отлично.

Оба моих предполагаемых убийцы как раз нагнулись, всматриваясь в нишу и пытаясь понять, почему мое «тело» не сползает на землю, поэтому выстрелы, разmozжившие

обоим черепа, отбросили их внутрь, прямо к поставленному мной грязному корыту.

Стрелявший не колебался ни секунды, не стоял на месте, не проверял.

Он быстрым, гибким прыжком преодолел расстояние, отделяющее его от нескольких сложенных перед забором бетонных плит, и уже с них перескочил на тротуар, скрывшись с моих глаз.

Земли он не коснулся ни разу. И не оставил никаких следов, кроме двух пуль... Но вынимать их и отправлять на экспертизу я лично не собирался. С меня на сегодняшний день было достаточно.

Подождав, пока его шаги затихнут вдали, я поднялся, отряхнулся и, вовремя вспомнив о том, что очень скоро сюда нагрянет ближайший наряд милиции, поспешил удалиться, также не оставляя никаких следов...

...Через пару кварталов мимо меня пронеслась ментовская машина, от которой я спрятался в арке какого-то частного дома.

Нервы мои к тому времени более или менее успокоились, я немного пришел в себя. Так что второй звонок, раздавшийся в полной тишине, всего лишь заставил меня дико вздрогнуть и сдержать рвущийся из горла крик.

Я метнулся в первую попавшуюся подворотню, чтобы скрыться от возможного наблюдателя, и судорожно нажал «talk», ожидая услышать мат с угрозами.

– Алексей Петрович! – послышалось в трубке, и я тут же узнал этот молодой красивый голос, хотя он и был сейчас очень возбужденным, взволнованным. – Это учительница Гали, Инна Николаевна!

– Добрый вечер, Инна, – ответил я, не прекращая медленно брести по направлению к дому и постоянно осматриваться. – Слушаю!

– Дело в том, Алексей Петрович, что у меня дома сейчас сидит тот мальчик, которого вы искали! Георгий Иванов! Он прибежал ко мне полчаса назад, весь дрожащий, с ним что-то случилось, это точно, но говорить мне ничего не хочет; как услышал о вас, стал требовать, чтобы я вам позвонила, прямо до судорог!.. Он тут рассказывает такое!..

– Какое? – спросил я, не успевая удивляться тому, что так вот, с ходу, до судорог понадобился незнакомому мальчишке, предчувствуя что-то **СОВЕРШЕННО НЕПРИЯТНОЕ**. Предчувствия меня не обманули.

– Те четверо, – воскликнула женщина, – мои ребята, которых родители забрали на черное море в санаторий!.. Всех четверых детей на самом деле похитили!

– Что?!

– Их украли преступники, связанные с наркотиками, Алексей Петрович!.. Я звонила отцу Гали, Сергею Леонидовичу, но не дозвонилась, у него все время занято!.. Вы не могли бы сейчас приехать ко мне домой?..

– Говорите адрес, записываю, – отрывисто ответил я, за-

жимая телефон подбородком и выхватывая из кармана блокнотик. Кажется, проблемы начинали нарастать, как снежная лавина – ком увеличивался с каждой минутой все быстрее и быстрее.

Учительница, молодая, несчастная и совершенно не знающая, что в такой ситуации следует делать, срывающимся голосом продиктовала, я записал и тут же ответил:

– Да, конечно, сейчас же еду! Но, Инна Николаевна! Внимательно слушайте меня: Сергею Леонидовичу Вересову НИЧЕГО НЕ ГОВОРИТЕ, а то вы все испортите! У него есть проблемы с сердцем, если он услышит!.. Я сам ему скажу, подготовлю нормально!

Учительница заверила меня в том, что будет ждать и ничего не предпримет до моего появления у нее в квартире, я попрощался и мысленно представил себе путь. Было недалеко, но я решил поймать такси.

Затормозила вторая из проезжавших машин, обычный «жигуленок», я пообещал заплатить тридцатку, и мы тронулись.

– Хорошая ночка сегодня, да? – дружелюбно спросил пожилой шофер, выруливая на проспект Ленина. – Полнолуние, м...ки все попрятались, дома спят. Спокойно так... – Увидев, что я молча оглядываюсь, ссутулившись и пригнув голову, пытаюсь окинуть взглядом все проносящиеся за окнами подворотни, он несколько удивленно спросил: – Вы как там, нормально?

– Н-да, – неуверенно ответил я. – Нормально...
В этот момент телефон зазвонил в третий раз.

Глава 4

Я судорожно схватился за него, держал, сжимая в руках и тяжело дыша, несколько секунд, едва сдерживаясь от вздрагивания после каждого звонка, а затем медленно и осторожно нажал на «talk».

В трубке торжественно звучала тишина.

– Алло? – неуверенно спросил я после нескольких томительных секунд одностороннего прослушивания, с трепетом ожидая, что телефон сейчас взорвется, как от килограмма тротила.

– Дружок, – донесся оттуда странный, явно нечеловеческий, быть может, искаженный каким-то механическим приспособлением голос, сочетающий в себе два совершенно разных тона – сухой, низкий и басовитый, а также высокий, писклявый и надрывный. – Из огромного количества кандидатов после долгого отсева ты был отобран для поступления в Высшую Школу, на курсы повышения квалификации. У тебя есть множество недоработок и несовершенств, которые мы вместе исправим, для того чтобы дальше работать нормально. В первую очередь ты займешься прохождением полосы специально подобранных препятствий...

– Что? – прошептал я, больше для себя, чем для того, кто говорил со мной. – Чем я буду заниматься?!.

Водитель искоса посмотрел на меня, сворачивая на Чапа-

ева, в глазах его было странное выражение удивления и нарастающей брезгливости. Как будто он понял, что посадил к себе в машину смертника.

– Будь внимателен и осторожен, – продолжал голос, совершенно без ожидаемой издевки, спокойно и серьезно, хотя собственно модуляции его были довольно забавными, – от результатов преодоления препятствий зависит не только исход обучения, но и качества дальнейшего твоего существования, такие, как «живой» или «мертвый», – он выдержал эффектную паузу и наставительно добавил: – Запомни: суть первого испытания – быстрота мыслительных и физических реакций. Ключ первого испытания – верхний люк слева.

Я взял себя в руки и практически пришел в себя. Хотя от волнения меня все еще чуть-чуть трясло, по крайней мере руки дрожали, но общий порядок вещей был восстановлен.

– Что все это значит? – спросил я сухим, сильным и спокойным голосом. – Кто вы?

– Вопрос первый, – прокомментировал голос из трубки и тут же ответил мне: – Я твой реальный работодатель, единственный, кто способен тебя чему-то научить и как-то использовать. Я – разум, летящий на жестких крыльях, – помолчал, а затем добавил: – Дополнительный ответ подлежит самостоятельной дешифровке. Повторный сеанс связи после прохождения первого испытания.

– Постойте! – воскликнул я.

Но в трубке раздались короткие гудки.

Чертыхнувшись, едва не двинув сотовым о дверь машины, я все-таки успокоился и призвал себя к порядку. Несмотря на то что события развивались по сумасшедшему сценарию явно умалишенного сценариста и страдающего садизмом режиссера, падать в глазах зрителей, принимая облик истеричного идиота, мне совершенно не хотелось.

Я уселся поудобнее и стал думать.

Реальный мой работодатель – это Вересов, по крайней мере на данный момент. Но звонил явно не он. Нормальный человек так вести себя, так говорить не будет. Здесь явно что-то не то.

Либо со мной говорил сумасшедший, что, в общем-то, было маловероятно, и непонятно, кто он, откуда и с какой целью вел этот гениальный разговор, либо цель у говорившего была простая: довести меня до передела, до нервного срыва.

Честно говоря, это ему почти удалось. Минуту назад я едва не сошел с ума. Господи, что же творится вокруг четверых пропавших детей и Вересова, покрывающего торговлю наркотиками?..

Мне срочно нужно было навестить Приятеля и дать ему информацию для анализа происходящего. Его трезвый, неподверженный эмоциям ум оценит все, что со мною произошло, и выдаст адекватный произошедшему вывод, а также советы, которые помогут довести дело до конца.

Но сначала нужно было выполнить его прошлые поручения и, главное, поговорить с Инной Николаевной и Георги-

ем, который, очевидно, стал свидетелем преступления – похищения четверых детей... Расплатившись с водителем, подозрительно оглядевшим и меня, и три моих десятки, я быстро нашел дом Галиной учительницы.

По странной случайности, рядом с ним была круглосуточная аптека, где я купил упаковку таблеток с экстрактом валерианки, которую тут же и принял. Подождал несколько минут, сидя на скамейке в темноте парковой аллеи, пересекающейся с улицей имени Бахметьева, а затем, полностью взяв себя в руки, перестав со страхом и неуверенностью заглядывать в будущее, ощутив внутренний подъем и успокоение, отправился к Галиной учительнице в гости.

После первого же звонка из-за двери донеслись торопливые мелкие шаги приближающейся Инны Николаевны, а затем ее испуганный голос спросил:

– Кто там?

Чуть не сказав: «Это Мареев», я успел себя одернуть и ответил:

– Это я, Инна Николаевна, Алексей Петрович.

Она тут же открыла, узнав мой голос, и с облегчением вздохнула, искренне улыбаясь:

– Ну, наконец-то вы приехали! Мы тут сидим и вдвоем боимся!.. Просто кошмар какой-то!..

– Добрый вечер, Инна Николаевна, – кивнул я. – Ну, где тут у вас мальчик?

Ранее разыскиваемый мной Гера не замедлил появиться в

дверном проеме, ведущем в зал, и, чуть приоткрыв рот, внимательно смотрел на меня. В глазах у него стояло какое-то невысказанное несчастье, он весь был напряжен и, готов поклясться, чего-то до судорог боялся.

Кажется, он совсем недавно перенес какое-то тяжелое потрясение, что-то его очень сильно напугало. Выглядел он, по крайней мере, очень пришибленным.

И мне показалось, что я уже где-то встречал его. Или видел человека, сильно на него похожего. Но память отказывалась служить, явно ссылаясь на перегруженность лекарственными препаратами.

Я скинул ботинки, натянул предложенные тапочки, аккуратно запер входную дверь, повесив еще и цепочку, окинул взглядом небольшую уютную двухкомнатную квартиру явно незамужней учительницы и, кивнув, вместе с хозяйкой и парнем вошел в зал, освещенный мягким светом настенных бра.

– Вам чай, кофе, сок? – спросила учительница. Я подумал о том, где она берет деньги, но затем вспомнил, в КАКОМ КЛАССЕ эта молодая женщина преподает, – а ведь она наверняка ведет частные уроки...

– Сок, – ответил я. – Кофе ни в коем случае.

– Сейчас будет, – кивнула Инна Николаевна; как мне показалось, чем-то очень довольная, и выскользнула из комнаты на кухню.

«Все-таки, – отметил про себя я, – сколько в ней грации.

Красивая. Наверняка все ученики бегают за ней, как щенята».

Усевшись в удобное кресло напротив сидящего на диване испуганного и зажатого подростка, я внимательно оглядел его, непринужденно улыбнулся и начал беседу:

– Меня зовут Алексей Петрович, я дядя Гали Вересовой, она тебе обо мне, наверное, рассказывала.

Он медленно кивнул, затем добавил вслух:

– Угу... То есть да. Рассказывала, – и посмотрел на меня столь же внимательно, как я на него минуту назад.

Глаза у него были темные, даже немного буравящие, пронзительные, что довольно часто встречается у трудных подростков; сейчас в них застыли страх и горечь. Я подумал о том, что же могло так напугать его, и решил, что это было похищение, нечаянным свидетелем которого он стал.

Парень был тощий, лохматый, одетый неплохо, даже богато, но носящий хорошую одежду без чувства, с которым ее надо носить; он был неуверен в себе, пуглив и закомплексован, это я мог сказать после первого взгляда безо всякого знания психологии.

Но что еще в нем сразу же было заметно – это интеллигентность, какая-то юношеская «светлость», недоступная большинству современных детей-гопов, явно проницательный ум, в нем даже чувствовалась порода, о которой говорили сдержанные манеры и чуть горбатый, выступающий нос; ко всему прочему он был курчавый, темноволосый.

– А вы вправду победитель сафари? – неожиданно спросил мальчишка, в глазах которого на мгновение всколыхнулось подобие интереса, перекрывшего прежнюю испуганную, зажатую тусклость.

– Конечно, – ответил я, мысленно называя Галю чертовой фантазеркой. – Только давай сейчас об этом не будем. Как ни прискорбно, Галя вместе с троими друзьями пропала. А я должен ее как можно скорее найти... Ты правда видел, как их кто-то похищал?

– Правда, Алексей Петрович, – все так же медленно и немного скрипуче отозвался паренек; от его тона у меня по коже побежали мурашки. – Я все расскажу. Сейчас, – он странно посмотрел на меня, кивнул, сглотнул, затем неожиданно смутился, поднял на меня свои темные пронзительные глаза и как-то пусто спросил: – А в милицию вы заявлять не будете?..

– А в чем дело? – поинтересовался я, понимая, что такие слова неспроста.

– Я сейчас не скажу, – глухо, очень странно ответил Герка, опуская глаза; кисти его сжались в кулачки, он судорожно вздохнул и добавил: – Я... Надо все по порядку. Я потом скажу. Когда смогу.

– А что сейчас? – доброжелательно спросил я, стремясь показать, что он может говорить, как хочет, и что никто не собирается его принуждать.

– Я за ними следил, – не таясь сказал он. – За всеми четве-

рыми. Хотел узнать, что они задумали. Подслушать их разговор. Но не успел.

– Погоди, – прервал его я. – Давай все по порядку. Сначала расскажи мне, что за проект они вместе готовили вот уже полгода, в чем его суть и для чего он был им нужен.

– Вы знаете? – неожиданно спросил он, поднимая глаза. – Ну надо же...

Инна как раз заносила в комнату поднос, уставленный блюдечками, заполненными всяческой легкой едой, поэтому я тут же, не колеблясь, правдиво ответил, чтобы потом не попасться на какой-нибудь мелочи:

– Я, Георгий, должен все знать. Потому что моя профессия – частный сыщик.

– Да, Галя говорила, – уважительно ответили Инна и Гера хором.

Я моргнул и поклялся при первом удобном случае пожать девчонке руку. Все-таки ее вранье могло оказаться очень даже полезным.

Несколько секунд на обдумывание – пока Инна накрывает на небольшой передвижной столик, – и версия для этих двоих готова.

– Проблема в том, – предвосхищая невысказанные вопросы, ответил я, – что Сергей Леонидович болен. Работа довела его практически до предынфарктного состояния. А от его деятельности зависит очень многое, тем более сейчас, накануне выборов, – объяснять последнее изречение я не стал,

считая, что для нагнетения обстановки и создания атмосферы серьезности и значимости подобные фразы необходимы.

Осмотрел их такие разные лица: светлое, внимающее Инны и сосредоточенное, отрешенное лицо погруженного в себя Герки, вздохнул и продолжал:

– Если о похищении сообщить в органы, до Сергея информация дойдет тут же, у него очень хорошие связи. И, скорее всего, это немедленный инфаркт. Трудно предсказать все последствия. Так что мы с родителями остальных троих решили действовать по-другому. Якобы забрали детей из школы, никому ничего не сообщая, и сделали так, чтобы Сережа считал, будто все четверо в черноморском санатории.

Он был в командировке, а сейчас слишком занят, так что пока ничего не заметил. Но долго так продолжаться не может. В ближайшее время он сообразит, что дочка обязательно позвонила бы, если бы все было нормально, а звонка до сих пор нет. Поэтому я и разыскиваю Галю. В срочном порядке, бросив все остальные дела.

И ты, Георгий, и вы, Инна, если помните что-то важное, обязательно расскажите мне все, в мельчайших подробностях. Вы общались со всеми четверыми до похищения и наверняка знаете все необходимое для разьяснения того, ЧТО на самом деле произошло. Поэтому я буду спрашивать вас, а вы подробно и взвешенно отвечайте. Договорились?..

Учительница с довольно забавной серьезностью кивнула. Мальчик посмотрел на меня и утвердительно опустил рес-

ницы. На мгновение мне почему-то показалось, что самый старший в этой комнате именно он. Я бы улыбнулся, если бы не пережил то, что случилось со мной за последние два часа.

– Итак, Гера, начнем с тебя. В каких отношениях ты был с Галей Вересовой?

Несколько мгновений он смотрел на меня очень странно, причем я никак не мог разобраться, как именно. Затем неожиданно легко и светло улыбнулся и ответил:

– В хороших. Но не близких. Мы с ней познакомились месяцев пять с половиной назад. В парке, где я обычно гуляю. Она там тоже гуляла и сама со мной заговорила... – Я вдруг понял, почему так просветлело его лицо: мальчик вспоминал о девушке, которую любил всем сердцем, и воспоминание это оживило его даже в тяжелое для него время. Инна Николаевна тоже заметила это и покраснела, опуская улыбающиеся и слегка удивленные карие глаза.

– Мы с ней, – продолжал Гера, – виделись не очень часто, но постоянно, примерно два раза в неделю. Вместе гуляли, ходили в театры, в кино, на каток и в бассейн... Но, – он помрачнел, возвращаясь к своему прежнему состоянию пришибленности и отрешенности, – она меня не любила. Она просто использовала меня.

Я заметил, что Инна Николаевна удивилась еще больше, причем едва не всплеснула руками, явно не удержавшись от внутреннего восклицания типа: «Как же так?!» Мальчик ей, видимо, очень нравился, и такого отношения Гали она ре-

шительно не понимала.

В другой ситуации выражение типа «она меня использовала» из уст четырнадцатилетнего мальчика рассмешило бы меня, но... в этом полном страха и одновременно мрачной решимости мальчишке было что-то... необычное, что ли? Он был явно взрослее своих небольших лет.

– С чего ты взял? – спросил я, чувствуя, что на этой теме нужно остановиться подробнее.

– Она всегда знала, что ей нужно, – просто ответил Гера. – И встречалась со мной, как ходила на работу. Я сначала этого не понимал, потому что... – он медленно, но верно заливался бледно-алым румянцем, – потому что она... ну... в общем, она меня... очаровала. Я думал, что мы будем вместе и станем мужем и женой, и никогда ничего от нее не требовал. Но примерно два месяца назад я случайно узнал, что точно так же она ходит к нескольким другим парням... – Лицо его еще больше осунулось, в глазах зажглись два блестящих огонька горечи и тоски.

– Тогда я начал за ней следить, – глухо сказал он и, подняв лицо, внимательно посмотрел на меня.

– Что ей было нужно от тебя, Гера? И не знаешь ли ты, что ей было нужно от других?

– Всего у нее было восемь... парней, к которым она ходила. И к каждому у нее был свой интерес, свое дело. Я, например, нужен ей был для того, чтобы конверт с бумагами, которые она туда запаковала, невскрытым попал в прокура-

туру и чтобы в нужный момент его открыли и прочли, – он помолчал и добавил: – Не знаю точно, что она хотела от других, но, кажется, каждый из них что-то делал для нее... и все это нужно было для реализации их общего плана.

– Не знаешь, какого? – спросил я, вспоминая девочку, «случайную свидетельницу» убийства Казаковой Л. Б., спросил, уже практически убежденный в правильности собственного ответа на этот вопрос.

– Знаю, – ответил Георгий. – Она хотела отомстить своему отцу.

Я удовлетворенно кивнул, внутренне радуясь тому, что выкладки Приятеля и мои рассуждения были абсолютно правильны; Инна Николаевна, до того смотревшая на мальчика большими удивленными глазами, сейчас моргнула, выражая полное недоумение. Я едва заметно усмехнулся, понимая, что любая другая женщина, сидящая напротив меня с таким же лицом, казалась бы абсолютной наивной душой, – но в недоумении этой было какое-то скромное, приятное обаяние.

И, кажется, Георгий, заметивший ее постоянное внимание, как-то неувовимо светлел, поднимаясь из темной, мрачной глубины, в которой оказался по воле каких-то обстоятельств, до которых он в своем рассказе еще не дошел.

– Почему ты так думаешь? – спросил я.

Парень вздохнул, взъерошил свои непослушные темные волосы и, пожав плечами, ответил так, что я был снова весь-

ма и весьма удивлен его здоровым умом:

— Она его ненавидела. Это трудно понять, я не знаю почему, тем более что он ее любил, я видел, как он на нее смотрит... ее вообще все любили. Вернее, — поправился он, — любят. Но она его за что-то жутко ненавидела. Вернее, я думаю, — он сделал паузу, прикрыв на мгновение глаза, — я думаю, возненавидела совсем недавно. Примерно полгода назад. Поэтому она и придумала этот свой Проект. Ее ненависть передалась Инне, Саше и Андрею. То есть они своих родителей не ненавидели, они к ним относились даже очень хорошо. Галя просто рассказала им, чем занимаются их родители под началом ее отца... и сумела направить их неприязнь на него одного.

Он смотрел на меня, словно был уверен, что я тотчас пойму его; и ведь знал откуда-то, что я понимаю, чем занимается отец Гали и, как я только теперь сообразил, родители остальных пропавших тоже! Все-таки все они были деловыми коллегами...

Я прищурился, не обращая внимания на глубоко удивленную Инну, которая только из вежливости не требовала никаких объяснений, и внимательно взглянул на Геру.

Он смотрел прямо мне в глаза, и в его взгляде было что-то странное и страшное. Это было похоже на взгляд солдата, бросающегося с гранатой под танк, знающего, что сейчас он умрет, но чувствующего в себе силы для этого и ведущую его Цель.

Неожиданно в моем сознании забрезжил свет истины – и через несколько секунд я понял-таки в чем дело. И был еще сильнее поражен этим мальчишкой, еще сильнее стал его уважать. Принимая меня за совершенно другого человека, он с отчаянной решимостью излагал мне факты, которые, как он предполагал, должны были вынудить меня на крайние меры!

Мне необходима была его полная, абсолютная искренность. И только поэтому я решил соответствовать предлагаемой роли до конца.

– Георгий! – требовательно сказал я. – Я вижу, ты знаешь очень много. Даже больше, чем следует. Тогда ответь мне, чем же таким занимаются Сергей Леонидович и родители остальных ребят?

Он вдруг побледнел, большими глазами взглянув на меня, словно смотрел на человека, который сейчас его убьет, и одними губами вопросительно прошептал: «А как же?..», глазами указав на Инну Николаевну.

– Ты думаешь, что ты знаешь истину и что ты прав! – повышенным тоном продолжал я, глядя на него в упор. – Но ты должен отвечать за свои намеки, даже если не высказал их на словах! Говори!

Он судорожно вздохнул. И неожиданно ровным голосом отчеканил:

– Сергей Леонидович Вересов и отцы остальных троих участников Проекта занимаются отмыванием денег, полу-

ченных от продажи наркотиков, а компания Вересова – это один из центров поставок!

Инна тихонько ахнула, прикрывая ладошкой рот, переводя взгляд с одного из нас на другого; я медленно кивнул и, не спуская с него взгляда, спросил:

– Значит, ты попросил Инну Николаевну позвать меня для того, чтобы я пришел сюда и ты мог сказать мне все это в лицо, а потом...

Мальчишка понял, что именно я имел в виду. Он посмотрел на меня взглядом человека, которому уже на все наплевать, и ответил:

– Да.

Я понимающе кивнул. Инна Николаевна, для которой начала проявляться подоплека происходящего, медленно бледнела, осознавая, что сидит в одной комнате с родственником человека, являющегося наркодельцом, с родственником, у которого, судя по всему, из расстегнутой поясной кобуры выглядывает заряженный пистолет, который она разглядела только теперь.

Она медленно открыла рот, чтобы что-то сказать, но так и не смогла. Глазами затравленного животного она смотрела то на него, то на меня. Герка взирал холодно, равнодушно, изучающе и отстраненно. Смотрел не на меня, а на пистолет.

Я содрогнулся.

– Так, хватит! – сказал, чувствуя, как проступает на лбу испарина. – Вот, Георгий, возьми эту бумагу и прочитай ее

вслух, а потом дай прочитать Инне Николаевне, – я достал из футляра лицензию частного детектива вместе с удостоверением личности и протянул ему.

– Частный детектив, – медленно и все так же спокойно начал мальчишка, просматривая оба моих документа и все еще явно не понимая, в чем дело, но затем взгляд его скользнул по самому главному, на лице отразилось растущее потрясение, смешанное с удивленным и беззащитным выражением, после которого все дети обычно начинают плакать.

– Мареев... Валерий Борисович... – прошептал он побелевшими губами. – Так вы не Галин дядя?..

– Кроме того, мальчик, я не вересовский киллер, – ответил я. – Я частный детектив, который разыскивает его дочь. Который только сегодня понял, что имеет дело с теневыми дельцами наркобизнеса и который считал, что он единственный из посторонних, кто об этом знает... – я помолчал, все так же глядя на него в упор.

– Я понимаю, – негромко сказал он наконец. – Да, я понимаю... А я думал!..

– Ты думал, что я сейчас выну пистолет и убью вас обоих, потому что вы слишком много знаете? – немного насмешливо спросил я.

Он побледнел в который уже раз, на мгновение закрыл глаза, черты его обострились.

– Да, – ответил он, не глядя на меня. – Да.

– И что же заставило тебя бежать сюда, к Инне Николаев-

не, и думать, что сюда за тобой придет вересовский наемный убийца, с которым тебе придется уйти? – спросил я, считая, что настал момент услышать это его «когда смогу...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.